

Глава третья В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ

1. Крушение "Восточного вала"

В один из последних сентябрьских дней 1943 года, получив назначение на должность начальника штаба механизированной бригады на Южный фронт, я в радостном возбуждении покинул изрядно надоевшее помещение управления бронетанковых и механизированных войск Красной Армии. Превращение мечты о возвращении на фронт в явь притупило боль за потерянные в госпитале месяцы. Облегчилась и тяжесть от многодневного ожидания в коридоре управления вызова к хамоватому подполковнику, день ото дня не решавшему вопросы назначения все увеличивавшегося числа офицеров.

- Ты, майор, мало побыл на курорте, совсем мало! - издевательски выговаривал он, когда, наконец, приняв, он даже не пригласил сесть. - Семь месяцев в госпитале с переломом бедра вместо максимум двух? Не торопился воевать!

Видя, что я посуровел, напрягся, он резко сказал:

- Будешь воевать на прежней должности. Понял?

- Готов воевать на любой должности, только поскорее на фронт! - решительно ответил я.

- Не злись, а то пошлю и на батальон. Завтра в девять – ко мне!

Но на следующий день вместо девяти часов он прибыл в одиннадцать с половиной и представил меня полковнику, оказавшемуся заместителем начальника управления. После нескольких вопросов, касавшихся моего участия в боях, полковник спросил:

- Почему затянулось лечение?

- Главное в моем ранении - порыв двух нервов и раздробление бедренной кости. Когда сняли гипс, и я, было бросил, уже костыли, обнаружился свищ вследствие остеомиелита кости. Третья операция, вновь гипс и постель еще на 40 дней.

Осуждающе посмотрев на подполковника, полковник сказал:

- Вы - готовый командир танкового полка, но больше пользы принесете, воюя в мехвойсках, скажем, начальником штаба механизированной бригады. Школу общевойскового боя прошли, есть и теоритическая подготовка, а мехбригада - соединение общевойсковое.

И кратко обрисовав организационную структуру мехкорпуса и мехбригады, он спросил:

- Убедил ли я вас?

Пришлось задуматься. Быть командиром полка - дело самостоятельное. Но горький опыт говорил: на деле, в бою - никакой самостоятельности, все зависит от командиров стрелковых дивизий и полков. В мехбригаде же воедино соединены танки, мотопехота, артиллерия. Мечта!

И я согласился.

А 3 октября завершился долгий путь через Ростов-на-Дону и Донбасс в 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус, в 13-й гвардейской механизированной бригаде которого мне надлежало служить. На командном пункте, находившемся в степи западнее Большого Токмака, к командиру корпуса меня сопровождал начальник строевого отдела.

У входа в блиндаж на складном стуле сидел генерал-лейтенант танковых войск. Это был Трофим Иванович Танасчишин, мужчина среднего роста, плотного телосложения, примерно сорока лет, с острым и строгим взглядом темных глаз, говоривший кратко и отрывисто.

Заслушав мое представление, он стал задавать вопросы.

- Сколько вам лет?

- Двадцать восемь.

- При каких обстоятельствах были ранены?

- Во время атаки.

- Образование?

- Техникум, танковое училище и командный факультет академии механизации и моторизации.

Смерив меня недоверчивым взглядом и смотря то на меня, то на майора Ткачука, переспросил:

- Академия? Когда же успели!

После ответа, завершая разговор, генерал сказал:

- Ну что же, молодо, но не зелено. В бригаде академиков нет, да и во всем корпусе не густо. За дело!

И, встав со стула, он твердо пожал мне руку.

Примерно то же повторилось у начальника штаба корпуса генерал-майора танковых войск Владимира Ивановича Жданова, но завершилось для меня горестно.

- Танковый бой вы, надеюсь, знаете. Мехбригада же ведет общевойсковой бой, поэтому тотчас же теоретически и практически изучайте его с самых азов, - потребовал начальник штаба.

- Постараюсь, товарищ генерал. Понимаю, что бой мехбригады в сравнении с боем танковой бригады, а тем более стрелкового полка и дивизии, имеет свои особенности...

- Пойдите, пойдите! Где вы постигали бой этих пехотных структур?

- На Северо-Западном фронте, под Старой Руссой.

Жданов громко засмеялся, и его подобострастно поддержали работавшие на карте два офицера.

(Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июля 1943 года командный и начальствующий состав Красной Армии в воинских званиях от младшего лейтенанта до полковника был наименован офицерами).

Резко оборвав смех, Жданов безапелляционно и с расстановкой продолжил.

- Сидя в окопах среди лесов и болот, никакому бою не научиться. Бригаду надо осваивать не с должности начальника штаба, а пониже. В Москве это не учитывают.

И дав понять кивком головы, что прием окончен, он сухо пожелал удачи.

При выходе из блиндажа я казнил себя за то, что вместо короткого "Есть!" пустился в рассуждение, вызвавшее отрицательную реакцию начальника штаба.

А сопровождавший начстройотдела сказал:

- Кто не умеет воевать и прячется от пуль и разрывов, у нас в корпусе не задерживается. Учитесь у Танасчишина и Жданова - таланты!

- А у других, к примеру, у комбрига, учиться можно? - не без умысла спросил я.

- У Афанасьева? - И, махнув рукой, добавил: - Не тот характер! Да и не наша школа.

Один прием ободрил, другой - удручил и удивил. В самом деле, полковник в Москве, прежде чем принять решение о назначении, разобрался с моим опытом, а начальник штаба корпуса без изучения решил для себя, что знания общевойскового боя у новичка не могут быть сколько-нибудь существенными. Не сложно было понять позицию генерала: раз человек не воевал в этом корпусе, отличающемся высоким мастерством, то и знания и умение его не те, что надо. Вместе с тем этот эпизод вызвал стремление к безотлагательному освоению боя мехбригады.

У корпуса была короткая, но славная боевая история. Сформированный весной 1942 года как 13-й танковый корпус, он прошел пекло ожесточенных оборонительных боев на сталинградском направлении. В ноябре в его состав были включены три механизированные бригады, и в новом составе он принял участие в окружении группировки фашистских войск. После отражения попыток противник деблокировать окруженные войска он освобождал Ростовскую область, Донбасс и вышел к реке Молочной. За стойкость и массовый героизм его воинов 9 января 1943 года ему были присвоены почетные наименования "гвардейский" и "Сталинградский", одновременно он был преобразован в механизированный. Гвардейскими стали и входившие в его состав три механизированные бригады, их танковые полки и отдельные корпусные части. Позже в его состав была включена гвардейская танковая бригада.

Кроме четырех бригад, корпус имел два полка самоход-но-артиллерийских установок, минометный и зенитно-артиллерийский полки и дивизион реактивной артиллерии. К сожалению, корпус не имел гаубичной артиллерии.

(Самоходно-артиллерийская установка (САУ) отличается от танка отсутствием вращающейся башни. Горизонтальная наводка орудия в ограниченных пределах обеспечивается поворотной маской).

В целом же это было мощное соединение, отличавшееся подвижностью, маневренностью и значительной ударной силой. Существенно не уступая танковому корпусу по количеству танков и САУ (221 против 236), он превосходил его по мотопехоте - в два раза, по бригадной артиллерии и минометам - в три раза.

Тепло встретил меня командир бригады полковник Афанасьев. 47-летний Кирилл Антонович имел опыт гражданской и Великой Отечественной войн, до бригады командовал стрелковым полком. Среднего роста, с открытым приветливым лицом, тронутым уже морщинами, с сединой на висках, он подкупал простотой обращения и умением слушать собеседников.

- Наконец-то вы прибыли, ведь уже дней пять знаем вашу фамилию, - крепко сжав руку и приглашая к разговору, присутствовавшего при этом начальника политотдела, проговорил он. И после паузы продолжил: - Рад, что в бригаде появился образованный танкист. Буду рассчитывать на вашу помощь, поскольку я не танкист.

Пригласив сесть, спросил:

- Как вас приняли в корпусе, на что нацелили? Искренность комбрига настроила на откровенность.

- Командир корпуса - хорошо, а вот начальник штаба... Проявил какое-то недоверие насчет опыта и знаний, хотя еще меня не знает. В итоге осталось что-то гнетущее.

Переглянувшись с начальником политотдела, полковник проговорил:

- Спесь. Со мной полтора месяца тому назад было то же самое. Да и сейчас...

Он остановился на полуслове, согнал с лица появившуюся, было, тень и продолжал:

- У нас в службе полное согласие. Вот только бригада, как и весь корпус, не свое дело делает: то ее бросают рвать крепкую оборону, то заставляют обороняться на первой полосе.

После перехода в штабную землянку попросил заместителя командира бригады по политической части - начальника политотдела майора Яцкова рассказать о бригаде, что он любезно сделал.

Бригада была в мае-июне 1942 года сформирована как 17-я мотострелковая, летом участвовала в боях на Западном фронте, а в сентябре преобразована в механизированную с включением в ее состав 44-го танкового полка. С 1 ноября 1942 года она вошла в состав 13-го танкового корпуса, ставшего позже, как было указано выше, механизированным, и наряду со всеми другими бригадами разделила славные победы и горькие неудачи, пройдя тот же путь, что и корпус.

За умелые действия и героизм воинов в Сталинградской битве бригада и ее танковый полк получили почетное наименование гвардейских и, соответственно, новые номера - 13-я и 38-й.

Наряду с отдельным танковым полком, в бригаду входили три мотострелковых батальона, каждый из семи рот и батарей, артиллерийский дивизион, минометный батальон, отдельная рота автоматчиков, пять рот боевого и две роты материально-технического обеспечения. Перечисляю организационную структуру для того, чтобы было понятно все последующее изложение. В ее боевом и численном составе было: 3651 человек личного состава, 39 танков, в том числе семь легких, пушек 76 и 45-мм - 24, минометов 120 и 82-мм - 30, автотягачей и автомашин разных - более трехсот.

Словом, в бригаде были воедино и удачно соединены ударные и огневые средства и высокоманевренная пехота. Однако она имела слабые средства ПВО и ограниченный запас боеприпасов. Будучи сильной по штату, она, как увидим дальше, в своем штатном составе выступала крайне редко.

Радуясь, что попал в гвардию, в то же время понимал, что это почетное звание завоевано воинским мастерством, отвагой и кровью других воинов; мне же предстоит еще на поле брани завоевать право называться гвардейцем.

В то время бригада уже третьи сутки занимала оборону во втором эшелоне корпуса на рубеже загон, высота 99,5, в четырех километрах западнее Молочанска, поэтому, прежде всего, изучил ее позицию и состояние частей и подразделений. К великому огорчению из-за больших потерь, понесенных в Донбасской операции и в последнем наступлении, укомплектованность ее людьми и основными видами вооружения не превышала 50-60%, а по автомобилям и 35-ти. Иначе говоря, имелось не более половины той мощи, которая была заложена в штате.

К обороне корпус перешел после наступления. По документам и рассказам офицеров штаба уяснил, что с конца сентября войска Южного фронта начали новую наступательную операцию с целью разгрома группировки гитлеровцев, оборонявших рубеж реки Молочной. При этом на направлении главного удара Высокое Веселое, они за четыре дня лишь вклинились в оборону на 2-4 км, но не прорвали ее.

В сложившейся обстановке корпус вместо развития успеха, к чему он готовился, и что соответствовало его предназначению и опыту, был включен в состав 2-й гвардейской армии, и 30-го сентября, совместно со стрелковыми дивизиями, без существенной подготовки, наспех пытался прорвать оборону на участке Октоберфельд, Трудолюбимовка, но без успеха.

- В чем выражалась эта попытка совместного прорыва? - спросил я майора Николая Ивановича Харина, заместителя начальника штаба по оперативной работе, кстати, единственного в штабе танкиста.

- Бригады атаковали "перекатом" через стрелковые полки, а последние должны были наступать непосредственно за нашими танками, вместе с нашей мотопехотой.

- Как бы "внакладку"? Значит, боевые порядки перепутались?

- Этого не случилось только потому, что из-за сильного огня пехота за бригадой не пошла, осталась в своих окопах. Иначе перепутывание боевых порядков произошло бы, управление могло бы нарушиться, и при сильной фашистской контратаке могла возникнуть паника.

Бригаде, корпусу в целом пришлось в течение последующих двадцати дней участвовать еще в трех подобных попытках прорыва обороны по западному берегу реки Молочной, то есть действовать в общей сложности почти месяц в несвойственной ей роли.

Очередная попытка была предпринята 10 октября. Тогда главный удар 2-я гвардейская армия наносила в прежнем направлении. В голосе командира корпуса, ставившего боевые задачи командованию бригад, чувствовалась приподнятость:

- Корпус вместе с 5-м гвардейским кавкорпусом включен в состав конно-механизированной группы (КМГ) и после прорыва дивизиями 13-го и 1-го гвардейских стрелковых корпусов главной полосы обороны на глубину 6-8 км входит в прорыв и развивает успех в направлении Радостное, Новобогдановка. Его поддерживает легкая артбригада и штурмовой авиаполк. Следовательно, мы избавлены от прорыва обороны.

Это сообщение вызвало радостное оживление среди присутствовавших, осветившее улыбкой и лицо генерала Танасчишина, как мне сказали, нечастой.

Наша 13-я гвардейская мехбригада должна была войти в прорыв на левом фланге корпуса, развить успех 151-й стрелковой дивизии в направлении Трудолюбимовка, Карлсруэ,

Привольное, имея соседями: справа - 14-ю гвардейскую мехбригаду, а слева - 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Говорил комкор не торопясь, подчеркивая наиболее важные места замедлением речи, и настолько четко, что понять что-либо двойко было невозможно. Впервые на войне я слышал такую грамотную и предельно четкую постановку боевых задач.

Как позже узнал, Трофим Иванович начал службу в Красной Армии с момента ее создания, в возрасте пятнадцати лет. Активно участвовал в гражданской войне, а в Великую Отечественную вступил в должности командира танковой бригады. Он приобрел разносторонний командирский опыт и глубокие оперативно-тактические знания.

Для меня ввод в прорыв и действия в глубине обороны противника были делом новым, поэтому в смысл указаний комкора тщательно вдумывался и записывал.

Начальник штаба корпуса дал начальникам штабов бригад указания по боевому обеспечению и управлению.

- Старых промахов не повторять: радиостанции РСБ и РБМ в сетях штаба корпуса всегда иметь рядом и при вызове мною или начоперотдела подсказывать пулей; перемещать вперед командные пункты за первыми эшелонами бригад.

Владимир Иванович вступил в Красную Армию добровольно, восемнадцатилетним юношей в 1920 году и успел принять участие в боях гражданской войны. Заочно окончил Военную академию имени Фрунзе и шестимесячный курс академии Генштаба в 1942 году. Как танкист прошел лишь краткосрочные бронетанковые курсы, но опытом службы в танковых войсках обладал десятилетним. Несмотря на отсутствие фундаментальной военной подготовки, в военно-техническом отношении он был подкован достаточно хорошо. В действующей армии находился с мая 1942 года.

Я ждал, что начальник штаба корпуса на основе общих указаний комкора остановится на деталях взаимодействия, однако этого не услышал. Другие начальники штабов вопросов не задали, а я, как новичок, счел делать это преждевременным. Необходимые разъяснения решил получить в оперативном отделе штаба и у корпусных артиллеристов.

Сначала обратился к начальнику оперативного отдела подполковнику Дмитрию Яковлевичу Баштану.

- В системе централизованной в масштабе 1-го гвардейского стрелкового корпуса артиллерийской поддержки ввода в прорыв, каков состав артиллерии, поддерживающей нашу бригаду?

- Почему вы лезете с вопросом, который относится к командованию артиллерией? - вопросом на вопрос ответил Баштан.

- Потому, что это относится к общевойсковому решению, принимаемому комкором.

- Не умничай, иди к артиллеристам! - резко оборвал он меня.

В свою очередь, не счел нужным разобраться командующий артиллерией корпуса майор Симон Юдович Махлин.

- А вы что, не слушали комкора? - изучающе и с чувством превосходства ответил он.

- Слушал, но комбрига интересует не вообще поддержка, а какие части поддерживают бригаду для того, чтобы организовать с ними взаимодействие.

- Зачем вам это? Ваши заявки на огонь, передаваемые нам, выполняются централизованно. А если у стрелковой дивизии еще что-то выпросите, то тем лучше.

При последующей встрече с командованием 151-й стрелковой дивизии мы получили согласие лишь на то, что в период ввода в прорыв на КП нашей бригады будет следовать командир смешанного дивизиона артполка дивизии и выполнять ограниченное количество огневых задач по нашим заявкам.

Было обидно встретить здесь, как и в 11-й армии, сверхцентрализованное управление артиллерией, без выделения ее на поддержку бригадам, пренебрежение к организации взаимодействия с ней.

Во время подготовки к вводу в прорыв, наше представление о характере обороны противника приняло законченный вид. Это была южная оконечность оборонительного рубежа, названного фашистским командованием "Восточным валом". На нашем направлении он проходил по западному, господствующему берегу реки Молочной, строился полгода, с массовым принудительным привлечением местного населения и состоял из двух-трех полос обороны общей глубиной 18-20 км. Первая полоса включала сеть батальонных узлов сопротивления и опорных пунктов, оборудованных траншеями, ходами сообщения, долговременными (ДОТ) и деревоземляными (ДЗОТ) огневыми точками в сочетании с противотанковыми рвами, минными полями и проволочными заграждениями. Глубина и ширина рва, захваченного нами в районе Ровное, была такова, что по нему свободно и скрытно двигались автотягачи с пушками. Опорные пункты имели немало противотанковых орудий, укрытых легких штурмовых орудий в качестве бронированных огневых точек.

5 октября был сделан командиру бригады обстоятельный доклад.

- На направлении предстоящих действий в обороне - 17-я пехотная дивизия, а в глубине, за второй полосой, в резерве - 9-я пехотная дивизия, переброшенная из Крыма. Переброска идет и из района Мелитополя, - докладывал начальник разведки бригады. - Плотность и глубина построения обороны возрастают. 17-я пехотная дивизия усилена одним-двумя батальонами танков Т-IV и дивизионом истребителей танков "Фердинанд". Только на участке Ровное, Трудолюбимовка (3 км) гитлеровцы имеют два дивизиона артиллерии и четыре минометных батареи.

- Так, так... значит, противник раскрыл направление главного удара?

- Возможно.

- А что на переднем крае, в батальонных узлах, на всю глубину первой полосы? - спросил комбриг.

- Товарищ полковник, сведения пока скудные, направил офицеров связи в штаб 151-й дивизии и в ее полки, - доложил я.

- Надо собрать, товарищ Обатуров, сведения о целях в ближайшей глубине обороны к началу завтрашней рекогносцировки.

Это было сделано. Отмечалось значительное количество целей, но сведения об их точных местах были весьма приближенными.

Таким образом, прорыв обороны по западному берегу реки Молочной являлся сложным делом, требовал тщательной подготовки и создания большого общего и огневого превосходства на участках прорыва.

Обычно незнание того, что в данный момент требует дело, у меня всегда вызывало беспокойство, тревогу. В данном случае новым, неизвестным для меня был порядок ввода бригады в прорыв.

При разработке предложения командиру бригады по решению на ввод в прорыв я спросил заместителя и помощника по оперативной работе:

- Как в предыдущих боях строился походный и предбоевой порядок мехбригады, когда входили в прорыв?

- Так же, как в танковых частях и соединениях, - ответил майор Харин.

- Значит, поступим так: танковый полк - в первом эшелоне, своими тремя танковыми ротами - в линию, в голове трех колонн; в каждой колонне - один мотострелковый батальон частью десантом на танках, частью в тягачах артиллерии и частью - пеший; артиллерийский дивизион и минометный батальон - за танковыми ротами. Развертывание колонн в предбоевые порядки - при встрече с противником.

- Годится, - сказал Харин, присоединяясь к моему рассуждению. - А пешие мотострелковые роты к рубежу ввода в прорыв выдвинем раньше колонн, чтоб не отстали.

- Верно. И расположим их за обороняющимися стрелковыми ротами 151-й дивизии.

Согласившись с предложением штаба, полковник Афанасьев с досадой заметил:

- У нас не мотопехота, а пехота. Однако же, что в строю, то и в бою. Так, что ли?.. А как обеспечивается объединение расчлененных батальонов?

- На рубеже развертывания в ротные колонны будут находиться офицеры из батальонов и танкового полка со связными, имеющими фонарики и ракетницы с ракетами различных цветов, - доложил я.

- Согласен.

Весь день 6-го октября комбриг и штаб с привлечением командиров частей и подразделений занимались организацией боя на местности: на рассвете и в сумерки - на переднем крае, днем - в полосе предстоящего выдвижения. А 7-го и 8-го октября организация боя продолжалась в подразделениях. В этой, первой для меня подготовке боя бригады, не сразу перестроился на роль начальника штаба, не раз брался за функции командира в ущерб своей главной задаче - организации управления. И за это поплатился. Впервые встретившись с большим объемом проводной связи, ограничился лишь постановкой задач и планированием ее, не вникнув конкретно. В местах многочисленных соединений проводов из-за дождливой погоды произошли замыкания на мокрый грунт. В результате к рассвету 9-го октября, дня, на который был назначен прорыв, не было проводной связи с танковым полком и одним мотострелковым батальоном. Поскольку до начала наступления связь по радио была запрещена, то создалось критическое положение. В установленное время о готовности колонн не все командиры доложили полковнику Афанасьеву. В таких случаях, как говорят в народе, беда беду накликает. Начальник штаба корпуса в порядке проверки боевой готовности связи и войск в шесть часов попытался переговорить по телефону с командиром танкового полка нашей бригады. Это ему не удалось, и он связался со мной.

- Обатуров, вы к бою готовитесь или спите? До срока готовности остался час. - Вам это что-нибудь говорит?

- Виноват, товарищ генерал, не учли погоду. Через 15-20 минут связь с КП танкового полка будет работать через КП 1-го батальона.

- Признанием вины не отделаетесь в случае, если полк не примет команду. С должности долой и под суд!

Он был прав.

Чем основательнее мы изучали оборону противника, тем больше убеждались в ее прочности. И в ходе организации взаимодействия со 151-й стрелковой дивизией как по линии общевойсковых, так и артиллерийских штабов, нас особо интересовал состав поддерживающей артиллерии, а также авиации.

- Из-за недостатка артиллерии продолжительность артподготовки увеличили, вследствие чего интервалы между огневыми налетами по важным целям удлинились, цели могут ожить или даже сменить позиции, - волновались в штабе дивизии. Их тревога передалась и нам.

В связи с этим по дороге из штаба дивизии я высказал комбригу возникшее у меня опасение:

- Товарищ полковник, не подготовиться ли нам ко второму варианту действий - прорыву обороны, как это было 30-го сентября?

- Да, такое может повториться. Для этого нужно все вопросы согласовать с дивизией, но без приказа комдив на это не пойдет.

- Хотя бы подготовиться по тем вопросам, которые зависят от нас, от бригады.

- Что же, это - дело.

Мы наметили рубежи развертывания, колонные пути, районы огневых позиций артиллерийских и минометных подразделений и сообщили их командирам частей и подразделений.

В ходе подготовки к наступлению ближе познакомился с заместителем командира бригады по политической части - начальником политотдела майором Яцковым. Не в пример некоторым другим политработникам, он задачи подразделений, районы огневых позиций, пути движения, сведения о противнике тщательно наносил себе на карту. Он знал также мои указания по разведке, связи, местам пунктов управления и регулирования движения. Задачи по партийно-политической работе им ставились весьма конкретно. Он успевал побывать и в подразделениях, и в группах офицеров, проводивших работу на местности.

- В танковом полку привезли бронебойные снаряды в одну роту по три на танк, а в другие - по восемнадцать, - докладывал он полковнику Афанасьеву во второй день подготовки, вечером. - Командование полка исправляет это. А вот безответственность бригадная: во 2-ю роту минометного, в минроту 2-го мотострелкового батальона подали мины без боевых зарядов.

Тут же получили нахлобучку начальники артиллерии и службы артиллерийского вооружения и убьли исправлять положение, а я, с благодарностью слушая этого 25 - летнего политработника, внутренне испытывал стыд за то, что вверенный мне штаб опаздывает с контролем.

В ночь с 8 на 9 октября, при выходе в исходное положение, бригаде пришлось преодолевать грязь. Почти трое суток лил дождь, сделавший дороги труднопроходимыми. Всюду были слышны работающие на больших оборотах двигателя буксующих машин. Личный состав всю ночь толкал машины, тянул орудия, естественно, вымок и вымазался в грязи. Вместо трех часов по плану, "сотворенному" мною и штабом, на выход бригады в исходное положение ушло восемь часов, а маскировка колонн продолжалась и после рассвета. К счастью, разведывательные самолеты противника из-за низкой сплошной облачности не летали.

Из-за нелетной погоды на рассвете была проведена лишь артиллерийская подготовка. Дивизия перешла в атаку, имея впереди до 20 танков и 76-мм самоходных установок (СУ-76). Ей удалось лишь вклиниться в оборону гитлеровцев и захватить противотанковый ров. Ее остановил мощный огонь артиллерии, минометов, пулеметов и противотанковых орудий как из ДЗОТов, так и открыто расположенных. Горели танки и самоходки. В течение дня дивизия несколько раз пыталась атаковать, но безрезультатно. Огневые средства фашистов оказались не подавленными. Прав был полковник Афанасьев: враг раскрыл замысел нашего командования и усилил это направление. События дня завершились контратакой полка фашистской пехоты при поддержке танков и истребителей танков "Фердинанд", оттеснившей дивизию на те позиции, с которых она начала наступление.

С истребителями танков "Фердинанд" я встретился впервые; на меня они, как и на других танкистов, произвели сильное впечатление. Их появление легко обнаруживалось по специфическому полету снарядов - с невиданной до того скоростью, раскаленных. В связи с этим кратко коснусь того бронетанкового вооружения, которое появилось у немцев в 1943 году и впервые применено в битве под Курском. Это - тяжелый танк Т-VI "Тигр", средний Т-V "Пантера" и тяжелый истребитель танков "Фердинанд". Их появление было обусловлено необходимостью борьбы с советскими танками Т-34, превосходящими немецкие Т-III и Т-IV по всем характеристикам.

Перечисленные немецкие машины были оснащены более мощными пушками: тяжелый танк и истребитель танков - 88-миллиметрового, средний - 75-ти миллиметрового калибров с невиданной до того начальной скоростью бронебойного снаряда, превышавшей начальную скорость танка Т-IV в 1,4 раза; они имели в 1,5-3 раза толще броню, чем этот последний.

"Тигры" и "Пантеры" стали пробивать лобовую броню танков Т-34 на 1300 м и ближе, а "Фердинанды" - на 2000 м; танк же Т-34 пробивал у этих машин практически только бортовую броню. Танковый бой при встрече с этими машинами, танками и истребителем можно было выиграть лишь за счет большого численного превосходства. И пока наша страна не противопоставила этим танкам и истребителю новые средства, мы с июля 1943 года по декабрь 1943-го чувствовали себя нелегко.

(В литературе часто неточно называют всякие бронированные (противотанковые) немецкие средства самоходно-артиллерийскими установками, распространяя на них нашу терминологию. В действительности надо различать: а) самоходные орудия, на шасси танков, с легкой броней спереди и с бортов и открытые сверху; б) штурмовые орудия (калибр 75, 88, 105, 128, 150 мм), где пушки установлены в поворотных масках, а машина бронирована со всех сторон. Истребитель танков относится к ним).

Пронаблюдав бой, комбриг и я вернулись во второй половине дня на свой КП, с волнением ожидая новых распоряжений. Переживания смягчило приятное сообщение из штаба корпуса: начавшееся днем раньше наступление южнее Мелитополя привело к прорыву там первой полосы обороны.

А затем случилось то, что мы и ожидали: неудача заставила вышестоящее командование вновь применить мехкорпус для прорыва обороны, причем уже с утра следующего дня.

Генерал-лейтенант Танасчишин, мрачный и раздраженный, вслед за постановкой командованию бригад боевых задач, сказал:

- На пехоту не оглядываться, прорветесь - придет и она. Мы отвечаем как за прорыв, так и за развитие успеха. Светлого времени нет, учитесь готовить прорыв ночью.

При возвращении в бригаду комбриг высказал беспокойство:

- Боюсь повторения 30-го сентября. Да и какой прорыв, если нам не дали артиллерии.

- Почему бы корпусу и бригадам не подчинить артиллерию и не дать самостоятельные участки прорыва? - задался вопросом я.

- Не хотят доверить самостоятельный прорыв танкистам, обладающим небольшим опытом в этом деле. А зря!

- Получается, что мехбригада используется для непосредственной поддержки пехоты?

- Вы попали в точку.

На тщательную подготовку прорыва времени не было. После постановки задач танковому полку и подразделениям на организацию боя оставалась ночь. Меня с начальником артиллерии комбриг направил к командиру 151-й стрелковой дивизии, с двумя полками которой предстояло прорывать оборону на участке Ровное, Трудолюбимовка.

- Поскольку за прорыв и развитие успеха отвечаем мы, то просим выделить нам хотя бы два дивизиона артиллерии, - представившись, попросил начальника штаба дивизии.

- Не так! - твердо возразил он. - За прорыв отвечаем мы, а мехбригада усиливает удар, поэтому артиллерия остается в наших руках.

- Спорить не будем, но ведь бригада атакует впереди стрелковых полков, командиру ее лучше видны цели, чем командирам стрелковых полков. А как только прорвемся - забирайте артиллерию себе.

После острой перепалки удалось добиться выделения на поддержку атаки артиллерийского и минометного дивизионов с продвижением их КП с командным пунктом бригады.

В 8 часов, 10 октября после артподготовки бригада перешла в атаку, захватила первую и вторую траншеи и небольшое число пленных, затем была остановлена сильным огнем всех видов. Артиллерия противника подавлена не была. Пехота дивизии за бригадой вновь не пошла, а наши малочисленные танковый полк и мотострелковые батальоны большего достичь не смогли.

Стремясь выполнить боевые задачи, личный состав действовал самоотверженно. Так, рота 1-го мотострелкового батальона под фланговым огнем пулемета, расположенного в ДЗОТе на окраине Ровное, залегла. Стрелок рядовой Шангин подполз к сооружению и закрыл амбразуру своим телом. Рота бросилась вперед, захватила траншею, уничтожив в ней фашистов. Ценой своей жизни герой обеспечил продвижение роты. Во время ночной атаки, проведенной с 21-го часа, погиб командир 2-го мотострелкового батальона гвардии капитан Герасимов.

Тяжело воспринималась утрата опытного командира, члена партии, гвардейца-сталинградца.

Этот бой позволил командованию бригады понять некоторые причины неудачных попыток прорыва. Главная состояла в том, что привлекались явно недостаточные силы и средства. Применительно к нашему мехкорпусу это еще и поспешный, без серьезной подготовки, ввод его в бой.

В середине октября третий раз был применен скомпрометировавший себя способ использования механизированного корпуса для прорыва обороны гитлеровцев совместно со стрелковыми дивизиями, так сказать "внакладку". Корпус должен был, осуществив перегруппировку в ночь с 15-го на 16-е октября, совместно с 1-м гвардейским стрелковым корпусом прорвать оборону противника на участке высота 102,8, северная окраина Богдановки и овладеть железной дорогой от Краснофельда до Сергеевки.

13-й гвардейской мехбригаде надлежало совершить прорыв совместно с 86-й гвардейской стрелковой дивизией ударом в направлении высоты 99,2, Сергеевка и овладеть последней. Для этого в ночь перед атакой ей следовало из района Нейборга перейти в исходный район на восточных скатах высот 99,2, 99,7. Справа, в центре боевого порядка корпуса наступала 14-я гвардейская механизированная бригада.

Когда командир корпуса закончил отдавать приказ, командир этой бригады подполковник Никадим Алексеевич Никитин спросил:

- А можно ли по договоренности с командиром 33-й дивизии поделить полосу наступления?

- Танки вашего танкового полка должны поддержать атаку пехоты дивизии. Сможете ли вы половину или больше своих танков выделить дивизии, если их так мало? Выделит ли дивизия в вашу полосу для поддержки три-четыре дивизиона артиллерии?

Так прояснилось положение, в которое ставились мехбригады - усиление стрелковых дивизий при прорыве обороны под предлогом "совместного прорыва".

И все же при организации взаимодействия был найден определенный выход из этого положения. Командир 86-й гвардейской дивизии согласился с предложением полковника Афанасьева: один стрелковый полк атакует в полосе мехбригады, за ее танками, имея два наиболее укомплектованных стрелковых батальона между нашими мотострелковыми, а другой полк - правее бригады, в своей полосе, получив на поддержку роту СУ-76 1392 самоходно-артиллерийского полка, приданную нашей бригаде. Командир же соответствующей полковой артиллерийской группы, состоящей из двух дивизионов, будет перемещаться с наблюдательным пунктом бригады, и поддерживать ее огнем. Кроме того, для артподготовки в полосу бригады было предусмотрено привлечь еще три дивизиона. Так впервые бригада получила осязаемое огневое усиление, хотя по количеству целей в обороне противника этого было недостаточно.

Вновь для организации наступления мы располагали лишь полутора сутками, из которых светлого времени был один осенний день.

Проводя работу на местности, лишь к вечеру смог детально заняться вопросами управления. В предыдущие дни, когда бригада была в обороне, нам с начальником связи многое удалось сделать по изысканию и ремонту кабеля, ремонту и вводу в строй трофейных радиостанций. С пониманием отнесся и начальник связи корпуса, частично пополнив бригаду кабелем и радиостанциями. И теперь было чем распорядиться. Вывод из прошедшего был сделан, - как говорят, беда вымучила и беда выучила.

Несмотря на недостаток средств и сил, в бригаде ощущался подъем; он был вызван сообщением о том, что войска нашего фронта вышли к Мелитополю с юго-востока и завязали бои за него.

Когда после полуночи с 16-го на 17-го октября бригада пошла в исходный район, то случилось происшествие, грозившее срывом атаки в назначенный срок. По распоряжению штабов обоих взаимодействующих корпусов мост через Молочную западнее Нейборга сооружался саперным батальоном 86-й гвардейской стрелковой дивизии. Из-за дождей вода в реке поднялась и продолжала прибывать. И если переправа артиллерии и колесной техники прошла быстро, то с началом переправы танков один из крайних пролетов моста развалился и увлек в воду один Т-34. Нам с начальником политотдела удалось быстро собрать по колонне личный состав и оказать помощь саперам. Восстановление затянулось, а переправу танков мы смогли завершить лишь к началу артподготовки. И хотя бригада успела занять исходный район, переживший нервное напряжение генерал Танасчишин объявил командиру бригады выговор за то, что заранее не было проверено качество моста.

В 5 часов 17 октября началась артиллерийская подготовка, закончившаяся на рассвете, затем состоялась атака. Видимость была ограниченной как вследствие неполного рассвета, так и тумана. Удар здесь, видимо, оказался для противника неожиданным; он бросил позиции, часть орудий и минометов и бежал на запад. Вскоре бригада и стрелковый полк вышли на рубеж отметки 86,3, полевого стана 3,5 км западнее Богдановки, продвинувшись на 3 км. Были взяты пленные из 336-й пехотной дивизии. Стало светлее, рассеивался туман, и на подготовленной позиции фашисты оказали упорное сопротивление, остановив наше наступление.

К 9 часам я переместил вперед километра на два НП бригады, куда перешел с командирами стрелкового полка и полковой артиллерийской группы; полковник Афанасьев задержался для доклада по телефону командиру корпуса. Ареной боя была ровная широкая степь, покрытая лесополосами и редкими курганами. Шум выстрелов, свист снарядов и пуль не уменьшались, а со стороны противника нарастали; соответственно, учащался треск разрывов в нашем расположении. В окнах между столбами земли, пыли и дыма просматривались населенные пункты Радостное и Карлсруэ. Вскоре на западе обозначились шлейфы дыма, затем стали видны колонны танков, начавшие развертывание. В полутора километрах от нашего боевого порядка поднялась и двинулась за танками, которых насчитывалось уже до 30, цепь пехоты противника. За нею скачками, в боевой линии продвигались до 20-ти истребителей танков "Фердинанд".

Подаю команду командирам танкового полка и мотострелковых батальонов по радио:

- Залечь! Танкам задним ходом - за пехоту! Отразить контратаку огнем с места!

Огонь танков, заградительный огонь полковой группы и минометных подразделений контратаку замедлил, но остановил не сразу. В то же время некоторые мотострелковые и стрелковые подразделения вместе с танками начали бежать, оказались неуправляемыми. И тут я понял свой промах, так как уже из опыта знал: отведешь танки - отойдет, а может, и побегит пехота. В такой момент до паники один миг, одно слово испуга какого-либо паникера. Да, при отражении контратаки танки надо прикрыть пехотой, для чего выдвинуть ее вперед броском, а не отводить танки. В спешке об этом забыл.

Вместе с командиром стрелкового полка мы на "Виллисе" выдвинулись вперед и помогли комбатам остановить отходящих у одной из посадок, на линии танков.

При возвращении на НП мы увидели, что правофланговый полк 86-й дивизии отходит, открывая правый фланг бригады, куда уже началось движение группы фашистских танков. Связавшись по радио с командиром артиллерийского дивизиона, передал ему:

- Товарищ Брандуков, видите справа танки противника?

- Вижу, это чуть правее позиции моей правофланговой батареи; перед ними отходит пехота.

- Точно! Выдвиньте весь дивизион туда и отразите контратаку танков. К вам направляю отдельную роту автоматчиков.

- Есть выдвинуть! - ответил капитан Брандуков. При подъезде к НП встретил комбриг.

- А я потерял вас. Что тут?

Доложил на местности об обстановке и об отданных распоряжениях.

Полковник мгновенно оценил положение и, вскакивая на "Виллис", крикнул:

- Вам быть здесь! Я - к Брандукову!

Оставшись, наблюдением через бинокль стал изучать положение противника и своих подразделений. В этот миг осколок одного из разрывавшихся в разных местах снарядов ударил по левой стопе, выше пятки, да так, что я упал. Ординарец Семен Макаров помог подняться и подойти к насыпи земли, вынутой гитлеровцами из довольно глубокого котлована. Сняв сапог и обнаружив сильно кровоточащую рану у ахиллова сухожилия, достал перевязочный пакет.

- Семен, давай второй пакет для жгута.

Он направился к машине и вскоре вернулся с фельдшером, младшим лейтенантом, девушкой на вид лет двадцати.

- Товарищ майор, немедленно в котлован! - крикнула она.

Строгий и требовательный взгляд, резкая команда заставили повиноваться. Ординарец и водитель помогли мне спуститься в котлован.

- "Виллис" - за насыпь! - приказал водителю. - А вас, товарищ младший лейтенант, прошу наложить повязку потоньше, чтобы можно было одеть сапог.

- Остановим кровь, а там видно будет. У вас тут, видимо, сидит осколок.

Перспектива попасть в госпиталь больно ударила по сознанию.

Когда уже одевал сапог, то рядом, как удар молнии, раздался оглушительно-трескучий взрыв. На нас посыпалась земля, запахло гарью. Когда вышли из котлована, то увидели: снаряд ударился в ту насыпь, где мы с Семеном решили, было перевязать ногу.

Получилось так, что эта хрупкая, но с твердым характером женщина спасла нам жизнь.

- А вы - молодчина, спасибо вам! Меня же, дурака, и три ранения осмотрительности не научили.

Это была старший фельдшер артдивизиона Мария Скрипниченко. Когда началась война, она добровольно пошла на фронт и, имея среднее медицинское образование, стала фельдшером. Была контужена, а после госпиталя, в августе 1943 года, попала в 13-ю мехбригаду, и в ее артдивизионе прошла фронтовыми дорогами до конца войны. Много раненых воинов вынесла с поля боя и спасла эта мужественная женщина.

К месту будет продлить рассказ о ней и еще одном человеке до дней нынешних. Помимо качеств, отмеченных выше, Мария обладала и славными женскими достоинствами. Немало молодых офицеров тянулось к ней, но сердце она отдала Петру Романову, старшему адъютанту дивизиона. После войны они вступили в брак. Демобилизовавшись, Мария Алексеевна с 1946 года и до сих пор трудится старшей медицинской сестрой крупной детской больницы в г.Киеве. К фронтовым орденам и медалям прибавился орден Ленина, которого она удостоилась за самоотверженный труд, отданный детям. А Петр Андреевич в кадрах армии прослужил до 1971 года и вышел в отставку из Киевского суворовского училища. До 1990-го года он работал военным руководителем среднего профтехучилища; его регулярно называли одним из лучших военруков в городе Киеве.

Вернемся к событиям того дня. Я поспешил на НП, где прежде всего решил доложить начальнику штаба корпуса об обстановке. Когда попросил телефонистку корпусного узла связи соединить меня с генералом Ждановым, то она передала, что со мной будет говорить командир корпуса.

В трубке послышался голос генерала Танасчишина:

- Майор Обатуров! Где Афанасьев?

- Выехал на правый фланг бригады, в артдивизион, товарищ генерал.

- Доложите обстановку.

Я кратко доложил и подчеркнул, что правый фланг прикрыт артдивизионом с ротой автоматчиков.

В этот момент в трубке громко раздался незнакомый мне голос:

- Товарищ генерал, Обатуров врет! Он обстановку не знает, сидит на КП под гребнем высот. Бригада сначала продвинулась, но во время контратаки бежала назад, что я и наблюдаю.

- Кто вы такой, всевидящий? - спросил я.

Но мой вопрос не был дослушан. Комкор требовательно и резко сказал:

- Товарищ Баштан, вам выехать в бригаду, разобраться и доложить!

- Есть, выезжаю, - был ответ.

Теперь я понял, что в разговор вмешался начоперотдела штаба корпуса. Вскоре он подъехал на "Виллисе" к нашему НП.

На местности и по карте я показал ему положение бригады и соседей.

- Если на правом фланге фронтом на север ваш артдивизион, то кто же справа?

- Правифланговый полк 86-й дивизии. При контратаке он отошел примерно на километр, но не на исходное положение, как вы вначале сказали.

- Где комбриг?

- В артдивизионе. Он организовал отражение контратаки. Вот и машина его просматривается.

- А вы, почему хромаете?

- Зацепило левую ногу осколком.

Разговор закончился, и Дмитрий Яковлевич уехал. Однако этот случай в совокупности с тем, что пришлось выслушать при представлении генералу Жданову, а затем в оперотделе и штабе артиллерии, убедил в том, что у многих офицеров управления корпуса гордость подвигами гвардейцев-сталинградцев переросла в чувство превосходства над вновь прибывающими, в право третировать их. Это явление как-то само собой ассоциировалось с личностью генерала Жданова. Поэтому я не удивился, что Баштан не считал нужным извиниться за то, что он оговорил меня перед командиром корпуса.

Наше наступление захлебнулось, а к вечеру поступило распоряжение о переходе к обороне на занимаемом рубеже, и к 21-му часу оборонительный боевой порядок был создан.

На КП вернулся с температурой и сильной болью всей ноги. К этому добавилось еще одно огорчение. Позволив, начальник штаба корпуса жестко спросил:

- Обатуров, сколько же сутодач продовольствия имеет бригада?
- Семь сутодач, товарищ генерал.
- А сколько сутодач соли?
- Три сутодачи, а к утру подвезут до семи.
- Вот когда подвезут, тогда и включай в оперсводку, а пока в бригаде продовольствия три сутодачи. Понял?

Мне ничего не оставалось, как признать вину и в последующем взять правило быть весьма внимательным при оценке обеспеченности бригады. Эпизод этот дал также понять, что генерал Жданов - человек пунктуальный и требовательный.

После 22 часов - слег. Осмотрев меня, бригадный врач доложил комбригу, что требуется немедленная госпитализация.

- Удалите осколок у себя, в медпункте бригады.

- Осколок-то под ахиллом, оперировать должен опытный хирург и в госпитальных условиях, - настаивал врач.

- Срочно поезжайте в госпиталь, - сказал полковник Афанасьев. - Чем быстрее оперируют, тем скорее вернетесь. Будем вас ждать.

Вот так! Всего лишь полмесяца на фронте и снова в госпиталь. С трудновыразимой досадой я последовал туда.

Между тем примерно через полчаса после моего отъезда был ранен командир бригады. В командование временно вступил заместитель командира бригады майор Тагиров. Зияф Саяпович имел немалый боевой опыт, но основной его специальностью была все-таки артиллерия, так как до войны он окончил артиллерийскую школу; по танковой же специальности имел только курсовую подготовку. Скромный, спокойный, мягкий по характеру, он вместе с тем отличался выдержкой и смелостью. Видимо, из-за недостаточной требовательности полковник Афанасьев не возлагал на него крупные вопросы организации боя и управления.

За 17-е октября и частично за два последующих дня ведения оборонительного боя бригада уничтожила 270 и взяла в плен 13 солдат и офицеров противника, сожгла и подбила семь танков, уничтожила восемь орудий и минометов. Свои потери у нее были более значительными - убитых и раненых насчитывалось более 280-ти человек.

Трехкратное участие в попытках прорвать оборону сильно обескровило бригаду: в строю осталось 3 танка, 60% орудий, 40% минометов, 50% автотягачей, а в мотострелковых батальонах было по 35-40 стрелков. В дальнейшем до конца операции она вела бои крайне ограниченными силами.

Прорыв под Мелитополем вынудил фашистское командование перебросить туда резервы не только из Крыма, но и с участка Васильевка, Пришиб, ослабив его. Командование фронтом вскрыло это и нанесло удар смежными флангами 5-ой ударной и 44-ой армии, в районе Пришиб, Михайловка. На это направление был перегруппирован и включен в состав 5-й ударной армии 4-й гвардейский мехкорпус. Он был применен для прорыва обороны, действуя тем же способом, что и ранее.

(С 20-го октября 1943 года Южный фронт был переименован в 4-й Украинский фронт).

25-26 октября шли упорные бои, а в ночь на 27-е октября враг начал отход. Большие потери, обширный прорыв обороны в районе Мелитополя и полное его освобождение 23-го октября вынудили фашистов оставить позиции разваливающегося "Восточного вала".

В ходе преследования бригада с 28 октября вошла в состав конно-механизированной группы (КМГ), включавшей в себя 5-й гвардейский кавалерийский и наш 4-й гвардейский механизированный корпуса. За семь суток она прошла путь общей протяженностью более 300 км через Бурчак, Малую Белозерку, Анатолевку, Рубановку, Петропавловку, Каховку, Новую Маячку и 2-го ноября вышла в район Большие Копани. Преследование осуществлялось при ежедневных схватках с противником, при сильном воздействии его авиации, но поставленные задачи бригада выполнила. КМГ в целом своевременно перерезала коммуникации гитлеровских войск, ведущие из Крыма к Каховке и Херсону. В сочетании с захватом Перекопа войсками левого крыла фронта и выходом их к озеру Сиваш, крымская группировка немецко-румынских войск оказалась отрезанной от главных сил на материке.

Так закончилась операция, получившая в истории название Мелитопольской.

В хирургическом полевом подвижном госпитале, располагавшемся в большом селе Запорожской области, на второй день был оперирован. Раненые располагались по хатам. В одной из украинских хат поместили и меня вместе с майором-артиллеристом. Начальник медицинской части госпиталя упрощил меня оставить при себе ординарца, так как разносить пищу по хатам и осуществлять уход за ранеными персонала не хватало. Так Семен Макаров стал обслуживать моего соседа и еще двух офицеров в хате рядом.

Не могу не рассказать об этом хорошем красноармейце. На должность ординарца я пригласил его на третий день пребывания в бригаде, заметив, что среди личного состава комендантского взвода он выделяется исполнительностью и инициативой, а две боевые награды и ранение говорили о его храбрости. Выбор оказался удачным. С рядовым, а затем сержантом Семеном Макаровым, сибиряком из Омской области, мы прошли военными

дорогами до победы и до лета 1946 года, до ухода его в запас, служили в одном механизированном полку, которым я командовал.

Радовались мы сообщениям об освобождении городов, но особый подъем вызвало сообщение об освобождении в ночь на 7-е ноября Киева. Регулярно поддерживалась связь с бригадой, и я в общих чертах знал о ее действиях.

Получил и долгожданное письмо жены. Она и дети огорчены, что после госпиталя не заехал к ним. Обрадовало то, что старшая дочь пошла в 1-й класс. Вот ей уже около восьми лет, а видел ее я, по подсчетам, два с половиной года. "Когда будем вместе и будем ли?" Тревожные мысли на время охватили все существо...

Иссушающее душу пребывание в госпитале особенно обострилось после праздника. Рана, как мне показалось, зарастала медленно. 9-го ноября обратился с просьбой о выписке.

- С открытой-то раной? - ответил вопросом на вопрос начальник госпиталя.

И только 16 ноября, когда рана почти затянулась, мне позволено было покинуть госпиталь.

2. На Никопольском плацдарме

Никопольский плацдарм! Бои на нем по своей ожесточенности и психологическому напряжению, по тяжести потерь и незначительности успехов сходны с боями под Старой Руссой, хотя и проходили на местности, доступной для действия всех родов войск. Двухмесячное пребывание в этих боях до сих пор, по прошествии пятидесяти лет сохранило в памяти как мужество и героизм воинов, так и горечь от поспешных решений и неоправданных потерь.

Из-за позднего назначения на фронт мне не пришлось изведать неимоверную тяжесть отступления 1941-го года, но я все же испытал в 1942-м году драму под Воронежем. Однако, обстоятельствам было угодно, чтобы мне выпало пройти еще и неудачи на Демянском и Никопольском плацдармах. И это в период, когда свершались победоносные операции! Вот уж поистине кому счастье, а кому-то и злосчастье. Не случайно после полугодового невезения, к исходу второго месяца боев под Никополем, уже мало верилось, что когда-нибудь придется участвовать в успешном наступлении.

Бригада с 14-го ноября оборонялась на северо-восточной окраине крупного населенного пункта Веселое. Это был левоблаговый участок полосы обороны корпуса, находившегося во втором эшелоне 5-й ударной армии. Здесь 17-го ноября я и нашел бригаду.

Еще 24-го октября вступил в командование бригадой подполковник К.В.Коняев. Мы с ним были уже немного знакомы, так как из Москвы в штаб Южного фронта добирались вместе. До назначения комбригом он командовал стрелковым полком и был ранен; ранее, в 1941-м году, окончил Военную академию имени М.В.Фрунзе.

- Ходить можете?

- Конечно, иначе не выписали бы.

- В таком случае - за дело! Коль есть начальник штаба, то есть и штаб. А ваш заместитель майор Харин переводится в оперотдел корпуса. Кого бы вы хотели иметь заместителем по оперативной работе?

- Помощника по оперативной работе капитана Федорова.

- Годится. Готовьте представление.

Сергей Михайлович не был танкистом. Но, имея за плечами полный курс пехотного училища, обладая природной сметкой, быстротой действий и пытливостью, он успешно справлялся с оперативной работой в штабе мехбригады до самого конца войны и пользовался немалым авторитетом.

День и вечер ушли на изучение районов обороны и огневых позиций, а конец суток - на ознакомление с состоянием бригады и противостоящим противником.

Укомплектованность бригады была удручающе низкой. Ведь с начала Донбасской операции, с августа 1943 года, она существенно не пополнялась личным составом, а танки и другая техника восполнялись лишь за счет ремонта. На этот день в танковом полку на ходу был один танк; небольшое число мотострелков было сведено в два куцых батальона, имевших станковых пулеметов 10 из 36 по штату. Не хватало тяги, поэтому, главным образом, из 24-х 45 и 76 мм пушек в строю осталось 13, из 30-ти минометов - также 13.

Противник на плацдарме вышестоящими штабами оценивался следующим образом. Командованию 6-й фашистской армии при вынужденном отходе удалось удержать значительный плацдарм на левом берегу Днепра, к югу и юго-западу от Никополя, с передним краем по рубежу Балки, Новопетровка, Верхний Рогачик, Горностаевка. Протяженность плацдарма составляла до 110 км по фронту и до 25-35 км в глубину. Здесь гитлеровцы создали прочную оборону, располагавшуюся на открытой степной равнине с редкими балками, имеющими отлогие берега. Местность покрывали нечастые лесополосы, крестообразно тянувшиеся с северо-востока на юго-запад и с северо-запада на юго-восток.

Плацдарм, получивший название Никопольского, обороняли 4-й и 29-й армейские корпуса, объединенные в "группу Шернер", которые за счет усиления имели в своем составе одиннадцать дивизий, в том числе две танковые.

Сохранение противником плацдарма преследовало крупную цель - нанесение с него удара в сторону Крыма в сочетании со встречным ударом из Крыма - для разгрома войск 4-го Украинского фронта в Северной Таврии, и восстановления сухопутной связи с крымской группировкой.

Такой удар враг попытался нанести в период с 7-го по 12-е ноября, но без успеха, так как его замысел был разгадан, командованием фронта была здесь сосредоточена главная группировка.

В отражении удара к югу от Верхнего Рогачика приняла участие и 13-я гвардейская мехбригада.

В дальнейшем, после пресечения гитлеровского контрнаступления, в течение почти двух месяцев войсками предпринимались попытки ликвидации плацдарма, но безуспешно. В пяти попытках участвовал 4-й гвардейский мехкорпус, причем, в несвойственной ему роли - для прорыва обороны.

В первой из них он придавался 5-й ударной армии, которая с утра 20 ноября стремилась прорвать оборону 29-го армейского корпуса на участке Ново-Петровка, Веселый с нанесением главного удара в направлении Гюневка, Большая Знаменка. Целью наступления являлась ликвидация Верхнерогачикской группировки противника. Первоначально наш корпус планировалось ввести в прорыв, образуемый стрелковыми дивизиями. В действительности эти дивизии продвинулись только на глубину до полукилометра, выйдя на подступы к Незаможнику и Веселому, после чего были остановлены. И тут для наращивания удара был брошен на прорыв мехкорпус.

13-я бригада выдвигалась, развертывалась и переходила в атаку с ходу в центре боевого порядка корпуса, а справа и слева - соответственно, атаковали 14-я и 15-я бригады. За счет ремонта до начала наступления нам удалось поставить в строй в танковом полку 10 танков Т-34, немного пополниться личным составом за счет выписавшихся из госпиталя и довести численность каждой мотострелковой роты двух батальонов до 50-ти человек, однако орудий и минометов не прибавилось.

Атаку подразделения начали организованно. Находясь на НП, в районе высоты 74,6, мы с комбригом видели, как сразу по выходе танкового полка на линию пехоты, десант с танков спешил из-за сильного огня и пошел в атаку за танками. Ведя огонь с ходу, танки вошли в Веселый, а за ними с криком "Ура!" ворвались мотострелки. Гитлеровцы начали убегать на север, часть их попала в плен, и вскоре населенный пункт был очищен от противника. Я передал на НП корпуса просьбу перенести огонь артиллерии в глубину, а боевой порядок бригады двинулся дальше.

- Молодцы танкисты и мотострелки! - восхищенно говорил Коняев. - Смяли фашистов!

- Да, взят важный опорный пункт. Жаль, что тех и других мало.

Но радость оказалась преждевременной. Из-за гребня севернее три-четыре километра выдвинулись, развернулись и открыли огонь 15 танков Т-IV с батальоном пехоты. Только мы и сосед справа - 14-я бригада открыли по ним огонь, как из района северо-восточнее Верхнего Рогачика перешли в контратаку до 30-ти танков, за ними - 16 истребителей танков "Фердинанд" и более полка пехоты. Малочисленные - наши и 15-я мехбригады не устояли, отошли на окраину Веселого и западнее, закрепились и начали упорный оборонительный бой.

Мы не только вспотели, но и надорвали голоса, управляя по радио: комбриг - танковым полком и мотострелковыми батальонами, я - артиллерией. Четко выполняли все распоряжения командир артиллерийского дивизиона капитан С.Н.Брандуков и командир минометного батальона капитан Я.Е.Гурков. Стремительно отскочив в посадку и сад на северо-западной окраине Веселого, с приближением танков противника дивизион открыл огонь и сразу поджег два танка. Другие танки замедлили движение, и стали расходиться за гребни высот и курганы. По приближавшейся пехоте с большой точностью вел огонь минометный батальон, вызвав в ней потери и заставив ее залечь. Подтянулась к нам пехота стрелковой дивизии, начали действовать группы штурмовиков Ил-2 из 4-8 самолетов, и к 18 часам контратака гитлеровцев была отбита; им удалось вернуть себе Незаможник и западную часть Веселого.

Расскажу об упомянутых выше офицерах. Степан Никифорович Брандуков, мой одноклассник, был призван в армию в 1936 году, а в 1939 году окончил аркурсы и стал младшим лейтенантом. С первого дня войны - на фронте, имел уже три ранения, был награжден орденом Красного Знамени. Его смелость и решительность отражались в строгом взгляде, в полуизгибе плотно сжатых тонких губ, проявлялись в быстроте распоряжений и действий, в неспособности пригнуться при свисте снарядов и пуль. С первых дней службы с ним и до конца войны мне ни разу не пришлось слышать от него слов "не могу", "невозможно".

Прямой противоположностью по характеру (а не по мужеству и храбрости) был Яков Евтихиевич Гурков, двумя годами моложе Брандукова. Он в 1938 году был призван в армию, в начале войны окончил училище, получил звание лейтенанта и был направлен на фронт, где за два года прошел путь от командира минометного взвода до командира минометного батальона. Вдумчивый, действовавший без поспешности, но оперативно, он распоряжался взвешенно и четко. Он отличался еще и не так часто встречавшимся во фронтовой обстановке качеством: никогда ни на кого не повышал голос.

При подготовке к описываемому бою Гурков просил меня:

- Помогите батальону хотя бы двумя грузовыми машинами. На оставшуюся в строю треть минометов могу взять только по 30-40 мин.

- Но где, товарищ Гурков, взять машины?

- Может, что-то найдется.

Было больно смотреть, как исказило страдание искрящиеся добром глаза этого, бесконечно верного долгу офицера. Я задумался.

- А что, если вам придать взвод бронемашин из бригадной роты противотанковых ружей? На две автомашины взвода вы могли бы дополнительно погрузить некоторое количество мин.

- Очень хорошо! - сияя, воскликнул Гурков. - А бронейщики будут выполнять свою прямую задачу.

- Решено!

В бою под Веселым бригадой было уничтожено около пятисот солдат и офицеров противника, два танка и взято в плен 18 фашистов. Бригада потеряла 244 человека убитыми и ранеными, два миномета, пять автомашин и подбитыми один танк.

После перегруппировки мы вместе с другими бригадами делали попытки наступать 21 и 22-го ноября, но всякий раз отбрасывались контратакующими частями противника в исходное положение.

Затем с 23-го ноября корпус был переподчинен командующему 3-й гвардейской армией, где еще четырежды привлекался к прорыву обороны.

Перед первым наступлением бригада в ночь с 23-го на 24-е ноября совершила марш и к утру сосредоточилась севернее центральной части Большой Белозерки.

До 12-ти часов командование бригады с командиром танкового полка и подразделений изучили полосу местности в северо-западном направлении от района сосредоточения, а затем на КП корпуса заслушали боевой приказ генерал-лейтенанта танковых войск Танасчишина. Наша бригада должна была, наступая в центре боевого порядка корпуса с исходного рубежа западнее отметки 71,9, 2 км, нанести удар через высоту 75,8 на Каменку, и к исходу 25-го ноября овладеть ее восточной частью. Атаковать ей предстояло, как и всему корпусу, перекатом через боевые порядки пехоты 34-го стрелкового корпуса.

Ни бригады, ни корпус в целом не получили артиллерии для организации артиллерийских групп, хотя практикой и уставами их наличие при прорыве считалось обязательным. Артиллерия вновь оказалась полностью централизованной в руках командования армии, которое ограничилось тем, что назначило на поддержку корпуса три полка пушечной артиллерии из армейской группы дальнего действия (ААГ).

Имевшиеся в распоряжении командира корпуса скромные силы - полк и отдельный дивизион реактивной артиллерии - естественно, остались в его руках.

По дороге в бригаду, думая над решением на бой, командир бригады взвешивал наши возможности.

- Так что мы имеем? - спросил он.

- К утру количество танков доведем до пятнадцати, это уже 38% к штату...

- Вы - шутник! А все другое?

- Орудий и минометов не прибавится. Правда, в 491-м противотанковом полку, который нам придан, имеется 76 мм пушек 14, так что для стрельбы прямой наводкой артиллерии будет достаточно. А вот мотострелков имеем по 40-50 человек в роте, как и до сих пор, в двух батальонах.

- То есть где-то 240-250 человек на весь участок прорыва в 2,5 км или до 100 человек на километр.

- Да, получается так, - подтвердил я. - Другого выхода нет, как одному батальону, думаю, 1-му, дать полосу наступления 800 м и поддержать 12-ю танками, а 3-му батальону - полосу в два раза шире и только взвод танков.

Так комбриг и решил.

Подготовка к прорыву шла наспех. Задачу бригада получила в 15 часов, а светлое время кончилось в семнадцать с четвертью. Ввиду этого засветло мы успели ознакомиться с дорогами и местностью до переднего края офицеров только до командиров роты, батарен. Расположение опорных пунктов противника, его противотанковых средств и артиллерии ни комбатам, ни командирам рот увидеть не пришлось. Организация наступления продолжалась ночью. Было известно только то, что на направлении наступления обороняются части 3-й горнострелковой дивизии, а в резерве за ней, в глубине - 17-я танковая дивизия. Оборона противника проходила по рубежу полкилометра южнее кургана Могила Каменная, 2,5 км южнее хутора Шевченко.

Группа офицеров, которую при организации боя возглавлял я, побывала на КП двух стрелковых батальонов и двух артиллерийских дивизионов 34-го корпуса, встретила с некоторыми командирами стрелковых рот.

- Вместе так вместе, - говорил комбат. - С танками, хотя их у вас мало, веселее, а без них - плохо. Зато у вас, наверное, пехоты много.

Когда мы сообщили о незначительной численности наших мотострелковых рот, то увидели мрачные улыбки.

- У нас в ротах бойцов не больше, да и боеприпасов у них половина боекомплекта, - сообщили они.

А командир дивизиона из артполка той же 61-й гвардейской стрелковой дивизии досадовал:

- Я на завтра, как и 21-22-го ноября, получаю и для гаубиц, и для 76 мм дивизионных пушек - по одному боекомплекту, поэтому на артиллерийскую подготовку позволено израсходовать полбоекомплекта, тогда как требуется целый боекомплект.

(Боекомплект - количество боеприпасов, установленное на единицу оружия - автомат, орудие, миномет, боевую машину, пусковую установку. Он служит также расчетно-снабженческой единицей.)

Еще ночью началась артподготовка, в ходе которой бригада все ближе и ближе подходила к пехоте и в семь часов, в темноте обогнала ее, перейдя в атаку. Землю и низко висевшие тяжелые облака наполнили шум и всполохи огневых налетов, а с началом атаки - кинжальные желто-красные молнии танковых и пушечных выстрелов, да бесчисленные пулевые струи пулеметов и автоматов. Для противника, видимо, наше наступление было

неожиданным; он начал поспешно покидать позиции, оставляя раненых и оружие. Огонь стрелкового оружия с его стороны был слабым, а артиллерии - беспорядочным. Лишь на рассвете, с 8 часов стал более прицельным огонь противотанковых и зенитных пушек и пулеметов.

К 10 часам бригада продвинулась на два километра, вышла к посадке в двух километрах северо-западнее отметки 72,9 и непосредственно восточнее хутора Стаханов, где и была остановлена организованным огнем всех видов. Соседи остановились на том же уровне. А в течение дня несколько контратак гитлеровцев были отбиты с потерями для них. Таким образом, вклинение в оборону противника было достигнуто за счет внезапности, а слабость огневого поражения, поспешная подготовка и недостаточность сил сказались быстро: наступление захлебнулось.

Около полуночи было приказано сдать занимаемый рубеж 61-й дивизии и до рассвета отойти в район к югу от отметки 73,0. Здесь, к нашему недоумению, потребовали построиться в бригадные колонны, головами в сторону противника, так, как это практиковалось при вводе в прорыв. Сдача позиций, выход из боя, отход и построение колонн заняли всю вторую половину ночи, вследствие чего до рассвета удалось только покормить людей, а пополнение подразделений боеприпасами перешло на светлое время.

Третьи бессонные сутки переутомили не только нас, офицеров. Даже экипажи, расчеты, стрелки, которые всегда находили минуты, и даже часы заснуть, валялись с ног. И вот на рассвете мы увидели свои колонны на гребне высот, в пяти километрах от противника, хорошо просматривавшего их.

- Вот это парад! - проговорил подполковник Коняев. - Отличная цель для "Юнкерсов"!

На счастье в этом не боевом положении авиация противника не побеспокоила.

Вскоре между танками 36-й и нашей бригад появились столы, а на них топокарты с нанесенными боевыми задачами. К этим картам было вызвано командование бригад, и начальник штаба корпуса приказал перенести на карты задачи, тут же принять решения и доложить, что и было сделано. Во время этой работы генерал Танасчишин стоял поодаль, подзывал по очереди для указаний начальников родов войск и служб корпуса; он выглядел необычно бледным и хмурым. После докладов нам было предоставлено 30 минут для того, чтобы поставить задачи полкам, батальонам и дивизионам.

Едва был завершен разговор с подчиненными, как вместе с ними мы были вызваны и построены у тех же столов. В этот момент прибыл и принял рапорт командующий 3-й гвардейской армией генерал-лейтенант Дмитрий Данилович Лелюшенко. Мы его видели впервые. Невысокого роста, с напряженно сжатыми тонкими губами, суровым взглядом узких глаз, подвижный, он был предельно возбужден.

Подойдя к столу, сняв и бросив на него тяжелый, в деревянной кобуре пистолет "Маузер", он резко заговорил:

- Вчера ваш корпус не выполнил боевую задачу! Он не овладел Водяным и Каменкой и не вышел к Днепру. Что же вы, танкисты-сталинградцы, позорите гвардейское звание!

Сделав паузу, он прошелся по шеренге с фланга к флангу и обратно, измерил нас пронизывающим взглядом и продолжил:

- Задачи вам оставляю прежними, лишь удар нанесите восточнее. Артиллерия и авиация обеспечат мощную поддержку. Требую прорваться через оборонительную полосу фашистов стремительным ударом с ходу!

Затем вернулся к столу, поднял со стола пистолет и громче прежнего пригрозил:

- В ваших частях немало трусов, которые не идут в атаку и другим не дают. Вы их не хотите видеть, потому что трусы есть и среди вас. Вот для таких, я не пожалею пули из этого ствола!

В гнетущей тишине у нас опустились головы, а генерал Танасчишин сначала с сочувствием посмотрел на нас, затем в его взгляде отобразилось чувство оскорбления, а на щеках заходили желваки.

Инстинктивно возникло горькое чувство оскорбления, как мне показалось, у всех, так как в событиях минувшего дня мы ни своей вины, ни трусов не находили.

Командир корпуса быстро пришел в себя, выступил вперед и скомандовал:

- Выдвижение, развертывание и атака - в назначенное время и по установленным сигналам. По местам!

Колонны двинулись. Скромное число мотострелков бригада снова рассадилась на танки и тягачи артиллерии. КП бригады следовал за танками, которых насчитывалось десять; пять было потеряно накануне. С началом движения назначенные командиром на поддержку артиллерия и штурмовая авиация начали огневой налет и удары, но до атаки, то есть за 20 минут, надежного поражения противника, расположенного в фортификационных сооружениях, не обеспечили. Никакого взаимодействия с находившимися впереди дивизиями 32-го корпуса не было.

Корпус атаковал в 10 часов 30 минут. И хотя силы его были весьма ограничены, в частности, в атаке на фронте 5 км, от хутора Цветково до отметки 72,9 участвовало примерно 50 танков и САУ, была достигнута на короткое время внезапность. Пехота гитлеровцев в панике бежала, бросив противотанковые орудия и часть минометов. Почти безостановочно бригада продвинулась на 3 км и к 12-ти часам вышла на рубеж 4,5 км юго-восточнее Днепровки. На этом "психический" фактор свое действие прекратил, а вступил в дело главный - превосходство противника в танках и огне, что и показали последующие события.

Слева по нашим танкам открыли огонь десять "Фердинандов", справа контратаковал пехотный батальон с 16-ю танками Т-IV при поддержке трех дивизионов артиллерии. Соседи справа - 15-я и 36-я бригады были контратакованы 30-ю танками с пехотой. А всего против корпуса участвовало в контратаках до 70-ти танков и истребителей танков при поддержке более двадцати бомбардировщиков Ю-87. Контратаки небольшими силами продолжались ночью и были отражены.

Этот день нам стоил новых потерь, особенно в танках: в строю их осталось четыре. Не лучше было и в соседних бригадах.

А на командарма Д.Д.Лелюшенко у нас надолго осталось чувство глубокой обиды. Обиду усиливало то, что неправильное, авантюрное применение мехкорпуса осуществил генерал, считавшийся старым танкистом.

Возобновляя наступление с утра 27-го ноября, мы сомневались в его успехе, так как противник превосходил нас. Но приказ есть приказ, да мы и привыкли к тому, что бригадам и корпусу в целом систематически ставятся задачи как полнокровным соединениям, без учета их укомплектованности. Но ведь в бригаде подчиненные - лицом к лицу; от их взгляда, выражающего недоумение по поводу непосильной боевой задачи, не спрячешься. Поэтому подполковник Коняев при отдаче приказа, пересиливая себя, пытался ободрить командиров:

- Ничего, братцы! Предварительно нанесем огневой налет силами артдивизиона, минометного батальона и минрот батальонов, помогут штурмовики; фашисты будут прижаты к земле и побиты, а вам атаковать без оглядки назад.

Еще в темноте батальон и танки двинулись вперед. Противник легко уступил первую линию окопов, отведя с них свое охранение. А с рассветом главными силами - более 20-ти танков и до двух пехотных батальонов - он нанес контратаку, обошел танками фланги батальонов и противотанковую артиллерию. Управление в батальонах нарушилось, они начали отходить с потерями. С большим трудом комбригу, начальнику политотдела и мне, передвигаясь по полю боя на "Виллисах", удалось остановить отходящих на одной из траншей, захваченных накануне у фашистов. Отход составил два километра. Бригада была окончательно обескровлена. Оказались отброшенными и соседние бригады.

Хотя контратакующий противник многократно превосходил бригаду, его продвижение не было легким. Приведу лишь один пример. Командир башни танка Т-34 38-го гвардейского танкового полка гвардии старшина Владимир Константинович Чумаченко заменил смертельно раненого командира танка, и, умело выбрав позицию за курганом, точным огнем на небольшую дальность поджег танк и "Фердинанд", уничтожил более двадцати пехотинцев, прикрыв отход 3-го мотострелкового батальона. При отходе танка с одной из позиций на другую одному из "Фердинандов" удалось пробить башню, вследствие чего храбрый воин получил смертельное ранение. Он был посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Новая неудача крайне тяжело подействовала на командира корпуса. Будучи по характеру человеком горячим, он потерял самообладание. Около одиннадцати часов я подошел к телефону по вызову генерала Жданова, но услышал голос командира корпуса.

- Где Коняев? Почему не подходит к телефону?

Я быстро позвал комбрига и, как часто мы делали, слушал разговор по другому аппарату.

- Коняев, кто вам дал право отходить? Испугались мизерной контратаки? Вы управляете бригадой или она вами? Приказываю все, что оставили, вернуть, иначе вы будете расстреляны как последний трус!

Комбриг даже не успел мотивированно доложить обстановку.

Я приблизился к нему и сказал, что все слышал. Тут на танке подошел к нашему КП командир 36-й гвардейской танковой бригады подполковник Михаил Александрович Кокка. Жизнерадостный, всегда бодро настроенный, любивший поговорки, пословицы и тому подобное, он в этот момент был не похож на себя.

- Сейчас генерал Танасчишин по телефону назвал меня трусом за отход бригады. А у меня на полтора километра было одиннадцать танков и 30 автоматчиков. От всего этого осталась половина, но потерянное приказано вернуть.

- Я получил такое же "звание" и схожую задачу. У нас есть два танка, что-то до 70-ти мотострелков, да по десятку пушек и минометов.

Условились с Михаилом Александровичем подготовить и в 12 часов начать атаку совместно.

При незначительных силах на принятие решения и постановку задач подразделениям ушло немного времени, зато куда больше его ушло на передачу заявки в штаб корпуса, касавшейся огневой налета артиллерии и удара штурмовиков Ил-2.

На этот раз налет и удар по времени и точности соответствовали нашей заявке. Два батальона, имевшие каждый не более 35-ти мотострелков, с двумя танками выбили гитлеровцев из первой линии окопов, но большего добиться не смогли: выдвинувшиеся из глубины танки и истребители танков открыли сильный огонь, заставили наших стрелков остановиться в захваченных окопах.

Наблюдая за атакой, я поглядывал и на действия соседей. Танк подполковника Кокки, номер которого мне был известен, прижимался к цепи автоматчиков. Когда "Фердинанды" открыли огонь, пришлось бинокль направить на свои танки, а затем на танки соседа. Озноб прошел по телу, когда от удара раскаленного снаряда слетела башня с танка Кокки! Через пять минут из сообщения штаба соседа мы узнали, что Михаил Александрович погиб. Вскоре вторая скорбная весть поразила нас: раненный в голову и без сознания направленный в бригадный медпункт майор Яцков умер по дороге, не приходя в сознание.

Тяжело и долго я переживал смерть этого офицера, ставшего мне другом. Мише (как он просил его называть) было присуще подлинно рыцарское отношение к службе, к людям, да и к самому себе. Первым его делом было радение о тех, кто идет в бой: и воодушевить их на подвиг, и поддержать, и обеспечить. И сам он был всегда с ними. И остался Михаил Прохорович в памяти как образец политработника.

Атака, конечно, не привела к успеху, о чем я и доложил начальнику штаба корпуса.

- Обатуров, ваш долг с Коняевым искать пути к успеху, - сухо и резко ответил Жданов.

Подумав над этим ответом, потрясенный неудачей и гибелью товарищей, подполковник Коняев решил, что нам следует направиться в батальоны и организовать их наступление.

Попасть на КП батальонов можно было только пешком. Открытая степная местность плавно возвышалась в сторону противника. Сначала шли вместе, имея в виду затем разойтись. По мере приближения к противнику рикошеты пуль от пулеметных очередей учащались и звучали плотнее и ближе. Я предложил идти дальше перебежками, на что Коняев согласился. В ходе одной из перебежек он остановился и стал медленно опускаться на землю.

- Константин Васильевич, что с вами? - присев возле него, спросил я.

Он показал рукой на живот и опрокинулся на спину.

Мы с ординарцем подняли гимнастерку и рубаху на нем, чтобы оказать помощь, но никаких ран не обнаружили. С помощью перебежавших невдалеке по линии телефонистов комбриг был перенесен на НП, и врач установил, что он мертв. В бригадном медпункте определили, что пуля прошла через сердце и вышла сзади под лопатку, и лишь из выходного отверстия вытекло немного крови.

Выслушав доклад о гибели командира, генерал Танасчишин приказал мне вступить в командование бригадой и выполнять полученную задачу. Ни в этот, ни в последующие три дня наши атаки успеха не имели, поскольку участвовало в них два-три танка и от 20-ти до 60-ти мотострелков, ряды которых были пополнены за счет сокращения подразделений обеспечения и тыла. Со стороны противника, однако, возросла активность авиации, и участились контратаки.

В ночь на 1-е декабря бригада сдала позиции частям 32-го стрелкового корпуса и сосредоточилась в прежнем районе, севернее центральной части Большой Белозерки.

С 25-го по 30-е ноября бригада уничтожила и взяла в плен 390 солдат и офицеров противника, сожгла и подбила три танка и штурмовых орудия, разбила и захватила 8 орудий, 50 минометов, 19 пулеметов, 4 автомобиля. За три дня потери бригады составили: 12 танков (сгорело - 5, отправлено в капитальный ремонт - 4), 420 человек убитыми и ранеными и 5 76 мм пушек из шести в начале наступления. Надо подчеркнуть, что потери 420-ти человек из 1933-х пришлось на самый боевой состав: танкистов, стрелков, артиллеристов, минометчиков и саперов. Естественно, меньше было потерь в ремонтных, тыловых, связи и других, обеспечивающих и обслуживающих подразделениях. А ведь на долю их из оставшихся полутора тысяч человек приходилось 1300. Это и понятно: особенность технически насыщенных частей и соединений был высокий процент обеспечивающего и обслуживающего персонала; в механизированной бригаде он составил 37% штата.

Задумываясь над причинами невыполнения боевых задач, я не мог упрекнуть ни танкистов, ни мотострелков, ни артиллеристов в отсутствии стремления добиться успеха, тем более в трусости. Только в двух эпизодах - утром 25-го ноября и утром 26-го ноября - бригада имела небольшое превосходство на направлениях главного удара и в обоих случаях вклинилась в оборону на 2-3 км. Во всех других случаях ей приходилось атаковать меньшими силами и дважды выбрасывать врага из первой траншеи. Это говорит о мужестве и героизме гвардейцев.

Недостатки в бригаде, однако, были, и немалые.

В ходе разборов и занятий с офицерами в начале декабря был проведен анализ невыполнения бригадой боевых задач. Мы отмечали, что офицерский состав рот плохо ориентировался на местности с помощью карт, а командиры рот и взводов, кроме того, слабо управляли огнем.

Именно в ноябрьских боях ощутил, что становлюсь начальником штаба мехбригады. Управление бригадой со стороны штаба ни разу не было потеряно, хотя в средствах связи и в связистах бригада понесла немалый урон. Штаб выполнил свои функции, что отмечал и командир бригады.

Бригада стала небоеспособной, как, собственно, и корпус, в целом. Но, как нам казалось, это не хотело понимать командование армии. Так, 1-го декабря из штаба армии прибыл подполковник и подчеркнуто заявил:

- Я уполномочен командующим очистить ваши тылы, и поставить в строй всех, кого вы прячете.

- Мы никого не прячем. За сутки после выхода из боя и погибших похоронили, и эвакуацию в госпитале из бригадного медпункта завершаем, и разобрались с наличием людей по специальностям. Воспользуйтесь нашей таблицей. А "чистку тылов" делали уже не один раз.

Изучая сведения о боевом и численном составе, он потребовал использовать стрелками из наличия более двух третей радистов, радиотелеграфистов, мастеров и слесарей по ремонту танков и автомобилей, артиллеристов, чьи орудия не имеют тяги, танкистов, потерявших танки и даже санинструкторов.

- А кто нам потом даст этих специалистов, нуждающихся в длительной подготовке в специальных частях? Насколько мне известно, штаб армии их не готовит, - заявил я.

- Выполняйте распоряжение! - резко, повышенным тоном потребовал подполковник.

- 60 человек нами отобрано, что уже несет ущерб спецподразделениям, о чем доложено в штаб корпуса. А посылать названных специалистов в бой в роли стрелков - преступление, а потому мы это не сделаем.

- Вы пойдете под суд за неисполнение приказа, майор! - закричал он.

Я встал и решительно ответил:

- Приказы могут отдавать лишь прямые начальники, то есть командир корпуса и выше. А вы, товарищ подполковник, таким начальником не являетесь, поэтому не приказывайте. Да и перестаньте кричать.

Тут же о случившемся я доложил по телефону генералу Танасчишину.

- Я рассмотрел ваши данные и согласен с вами. "Уполномоченные" штаба армии прибыли во все бригады. Я приказал прислать их всех ко мне, передайте об этом и находящемуся у вас подполковнику.

С помощью комкора мы отстаивали свою позицию и в последующем не раз убеждались, насколько были правы. К счастью, только в 3-й гвардейской армии нас толкали на это.

1-го декабря на КП бригады прибыл начальник штаба корпуса и поставил задачу для участия в очередном, втором в составе 3-й гвардейской армии, прорыве обороны.

- Цель наступления корпуса - прежняя, - начал генерал Жданов. - Боевой порядок корпуса - в один эшелон. 13-й бригаде, усиленной ротой САУ 1828-го тяжелого самоходно-артиллерийского полка (четыре машины), батареей 37 мм зенитных пушек 1069-го зенитно-артиллерийского полка и взводом саперов, наступать в центре, прорвать оборону и через два часа овладеть высотами 85,0, 85,7. Через четыре часа - Водяным, где занять оборону фронтом на восток, не допуская отхода отрезанной восточнее фашистской группировки. Поняли?

- Понял, что касается места и задачи бригады, а какими огневыми средствами взламывать оборону - неясно.

- Артиллерийская и авиационная поддержка - централизованно, по плану армии и корпуса. В распоряжении командира корпуса 23-й гвардейский минометный полк реактивных снарядов и 229-й гаубичный артполк. Поддерживает корпус подгруппа ААГ, включающая две гаубичные и одну пушечную артбригады.

Видимо, по выражению лица он понял, что меня тревожит, и поднял руку, чтобы предупредить возможное мое высказывание, досадливо продолжил:

- Да, крохи! Всего крохи! Так во всех бригадах. Будете атаковать тем, что есть! Усилить бригады артиллерией не имеем возможности.

Немного помолчав и понизив голос, приказал:

- Через пятнадцать минут доложить решение.

- Могу, если позволите, доложить сейчас: сил и средств так мало, что решение может быть только единственное.

- Докладывайте.

- За шестью танками 38-го танкового полка во второй линии пойдет рота самоходок, 1828-го самоходно-артиллерийского полка, за ней 1-й и 3-й мотострелковые батальоны и арtdивизион со своими пятью орудиями.

- Добро!

Соседом справа у корпуса был упоминавшийся выше 32-й стрелковый корпус, слева - вновь появившийся в составе армии 19-й танковый корпус, укомплектованный несколько лучше нашего. За нашим корпусом должен был наступать 37-й стрелковый корпус, причем успех 13-й бригады приказано было закрепить 248-й стрелковой дивизией.

Первоначально наступление планировалось начать 4-го декабря, и в течение двух суток в бригаде были проведены самые необходимые подготовительные мероприятия.

Успехи в боях, даже небольшие, вызывают подъем, окрыляют. Наоборот, неудачи, особенно, если они следуют чередой одна за другой, подавляют. О таком именно моральном состоянии многих военнослужащих подразделений шла информация. Убеждался я в этом по настроениям штабных офицеров.

- Почему к рубежу развертывания вы планируете подать проводную связь по одной линии полка и батальона? - спрашивал я начальника связи при докладе им схемы связи.

- Не хочу разматывать много кабеля. Все равно вперед не продвинемся, а кабель под гусеницами танков потеряем.

- Эти рассуждения оставьте при себе, каждому подразделению дайте отдельную линию и заройте. Поняли?

- Есть, товарищ майор! - насупившись, он пошел выполнять приказ.

Но 4-го декабря наступление не состоялось. Из-за сильной оттепели и трехдневных непрерывных дождей, как дороги, так и местность вне их стали непроходимыми для колесной техники, вследствие чего перегруппировку артиллерии и подвоз боеприпасов осуществить не удалось. Начало наступления откладывалось несколько раз, вплоть до 19-го декабря. Задержка позволила провести обстоятельную разведку целей наблюдением, собрать сведения об артиллерии, танках, резервах и других объектах в глубине обороны противника. Данные о целях и траншеях изучили экипажи и мотострелковые подразделения, завершив это разработкой схем на направлениях своего наступления. Каждое 45 и 76 мм орудие получило цель для стрельбы прямой наводкой; были уточнены цели поддерживающей артиллерии и перераспределены между минометными ротами. Впервые в полном объеме удалось организовать взаимодействие с артиллерией, так как командиры одного гаубичного и одного реактивно-артиллерийского дивизионов перемещали свои НП рядом с нашими НП. Были известны огневые задачи, выполняемые в полосе наступления бригады подгруппой ААГ.

Пауза была использована также для занятий с офицерами и боевой подготовкой подразделений. А в результате напряженной работы по ремонту вооружения и техники к 18-му декабря в строю стало 10 танков Т-34, 10 орудий и 12 минометов. За счет возвращения из госпиталей суммарная численность стрелков, автоматчиков и пулеметчиков в двух мотострелковых батальонах увеличилось до 160-ти человек.

5-го декабря прибыл вновь назначенный командир бригады полковник Никодим Ефремович Щербаков. Его возраст равнялся уже 51-му году. Потомственный донской казак, он начал военную службу в казачьих частях царской армии еще до первой мировой войны. Как мы позже узнали, за короткое время на русско-германском фронте он проявил себя так храбро, что получил три Георгиевских креста и был произведен в офицеры. В ряды

Красной Армии вступил добровольно сразу с ее организации и на различных командных должностях прошел гражданскую войну, а затем - бои с басмачами вплоть до 1926-го года. Великую Отечественную войну встретил в должности заместителя командира танковой дивизии, а с сентября 1942-го года он - командир мехбригады; к нам прибыл из госпиталя.

За три войны Никодим Ефремович был пять раз ранен; его грудь украшали несколько орденов. Завидный боевой опыт, богатая биография коммуниста с 1929-го, простота и общительность вызывали у нас преклонение перед ним.

Где-то около 10-го декабря генерал Танасчишин прибыл на КП бригады, в деталях разобрался с планом боя и утвердил его. На этот раз он не был суров и напряжен, а просто и благожелательно слушал и говорил.

- Не могу понять, почему мехкорпус используется для прорыва хорошо подготовленной обороны, хотя организационно к этому он не приспособлен? Нас окружает три стрелковых корпуса, которым бог велел это делать, - сказал командир бригады.

- Я не молчал. Сначала мне говорили, что оборона слабая, и рвать ее - дело мехкорпуса. Когда же такая оценка не подтвердилась, то было сказано, что мы не умеем наступать... Теперь надо доказать, что умеем.

Получил разрешение высказаться и я.

- Известно, что дело не в одном умении. Ведь прорыв обеспечен артиллерией на 50%, танками и мотопехотой - на 40%.

- Яснее, товарищ Обатуров. Я доложил расчет.

- Разве артиллерия и минометы бригады не в счет?

- Они, как и положено, назначены на поражение отдельных важных целей: противотанковых орудий, минометных взводов, пулеметных точек, хотя на это их тоже не хватает. В подчинении бригад не выделяется ни одного дивизиона, хотя бригадные артиллерийские группы предусмотрены уставами. Замена групп подачей заявок на огонь в корпус и армию себя не оправдала: на заявки тратится 20-30 минут, поэтому огонь открывается с опозданием. Разве лучше в корпусе и армии знают, какие цели бригаде мешают и где они?

Командир корпуса помедлил и сказал:

- Вот бы начальники, стоящие над нами, почаще заглядывали в уставы.

Ни танков, ни мотострелков в бригаде не прибавилось, но в свое подчинение она все же получила дивизион 122 мм гаубиц.

За сутки до начала наступления с частью офицеров штаба я выдвинулся на КП; одновременно на КП выдвинулись начальники штабов танкового полка и батальонов, а за трое суток - командиры своего и приданного дивизионов. Разведка наблюдением велась непрерывно со 2-го декабря.

В ночь перед наступлением бригада вышла в исходное положение. Приняв на НП доклад, полковник Щербаков сказал:

- Теперь нужно добиться, чтобы танкисты, мотострелки и артиллеристы сработали так же, как штабы.

- А вам, командуя мехбригадой, приходилось прорывать такую оборону? - спросил я его.

- Не приходилось, но в успех я верю.

В последующем мы убедились, что комбриг - большой оптимист.

19-го декабря после 40-минутной артиллерийской и авиационной подготовки, проведенной на рассвете, началась атака. Видимо, для фашистов она явилась неожиданной, поэтому их пехота частью попала в плен, большей частью отступила на север. В течение часа бригадой было взято до 80-ти пленных из 111 пехотной дивизии. Вскоре, однако, противник пришел в себя и оказал сильное сопротивление. Каждый опорный пункт, каждую траншею в глубине обороны пришлось брать после огневых налетов. Только к половине дня наша, и соседние 15-я и 14-я бригады смогли овладеть позициями пехотных батальонов первого эшелона противника.

Корпус уперся в прикрытый минными полями противотанковый ров, о наличии которого точных сведений до наступления не было. До темноты шла огневая дуэль без движения вперед.

В этот день особо отличился командир роты 3-го батальона младший лейтенант Пашин. Под его умелым командованием, рота первой захватила участок траншеи, при этом сам он гранатами уничтожил несколько фашистов, за что был удостоен награждения орденом Отечественной войны второй степени.

К вечеру на господствующем гребне высот 84,6, 88,9, 85,0, 85,7 появились танковые роты и батареи истребителей "Фердинанд". И все чаще стали вспыхивать с обеих сторон танки. А ночью бригада отбила несколько контратак. Попытка же бригады захватить противотанковый ров ночью была безуспешной. При этом мне вместе с командиром минометного батальона пришлось быть на КП командира 3-го мотострелкового батальона и помогать в организации взаимодействия батальона, танковой роты и минометчиков по отражению контратаки.

На НП, а затем на КП бригады возвратились глубокой ночью, доложил комбригу и начальнику оперотдела корпуса об обстановке, подписал отчетные документы и лег отдохнуть. Только начал засыпать, как землянку резко встряхнуло, а на меня навалилось что-то очень тяжелое. Не сразу, но понял, что придавлен. Горелка погасла, нащупал трубку телефона - он не работает. Все же раскачал придавивший меня ком земли и сбросил его. Выход из землянки оказался заваленным. Услышал голос ординарца: "Завал! Сейчас расчистим".

Когда после расчистки хода зажгли горелку, то оказалось, что земляная стена, возле которой я лежал на земляном же выступе, обрушена снарядом 150 мм гаубицы, который вошел в нее, но не разорвался и лежал на

земляном полу. Его похоронили, зарыв землянку. Сон не состоялся, боевая работа заставила тут же об этом забыть, но утром полковник Щербаков не без радости сказал:

- Везет тебе! Будешь долго жить. А кто-то из офицеров проговорил:
- Наш начальник штаба и по минному полю ездить умеет.
- Поделитесь опытом, - смеясь, спросил комбриг.

- Под Верхним Рогачиком, у Гюневки, наши саперы поставили минное поле, но плохо обозначили границы, а я спешил к комкору, хотел спрямить путь и выехал на это поле. Первым увидел мины ординарец. Удачно возвратившись задним ходом по тому же следу спешили. Да поле-то было противотанковое, неопасное.

- Это не так, - возразил начальник инженерной службы, - опасность полная.
- Значит, лучше ни по какому минному полю не ездить, - заключил веселый разговор полковник.

С утра 20-го декабря бригада и корпус в целом сделали безуспешную попытку завладеть противотанковым ровом, а днем отразили сильные контратаки, стоившие противнику больших потерь. Здесь вновь отличился минометный батальон, и в тот же день полковник Щербаков вручил капитану

Гуркову, этому отважному мастеру минометной стрельбы, орден Отечественной войны первой степени, которым его наградил командир корпуса.

21-го декабря были подключены к прорыву стрелковые корпуса. Как 21-го, так и 22-го декабря наступление противник отразил.

До утра 24-го декабря была произведена перегруппировка, бригада с наступлением темноты сдала позиции 266-й стрелковой дивизии, до исхода дня сосредоточилась к юго-западу от хутора Стаханов. Если новая боевая задача корпуса отличалась от предыдущей только смещением полосы наступления на запад на 1-1,5 км, то задача нашей бригады была действительно новой: захватить противотанковый ров и прорвать оборону севернее хутора Шевченко, нанося удар в направлении высоты 85,7, кирпичный завод. В боевом порядке корпуса она занимала место на левом фланге, имея правым соседом 14-ю мехбригаду, а левым - 19-й танковый корпус. Таким образом, в составе 3-й гвардейской армии предстояло попытаться прорвать оборону в третий раз. Из корпусной арт-группы на поддержку бригады назначался один дивизион.

На подготовку был предоставлен один день; нам удалось лишь на местности поставить задачу танковому полку, батальонам и дивизиону и организовать взаимодействие по захвату противотанкового рва.

Уже к утру 24-го декабря бригада вышла на передний край, в двух с половиной километрах к северо-западу от хутора Стаханова, сменив 1008-й стрелковый полк 32-го стрелкового корпуса. До рассвета 25-го декабря саперы и минеры сумели снять часть мин противника на северном берегу рва, сделав и обозначив шесть проходов для стрелков и два - для танков, а в 9 часов 40 минут после артподготовки начали атаку мотострелковые батальоны. Они встретили шквальный огонь стрелкового оружия и минометов и вынуждены были с потерями вернуться в свои окопы. Да иначе и не могло быть: в ходе артподготовки командир бригады докладывал генералу Танасчишину, что по переднему краю противника, особенно по первой траншее, намеченные огневые налеты не состоялись.

- Вижу, сам вижу! - отвечал комкор. - Рассчитывайте на свой огонь.

Мне вновь пришлось почувствовать, какой тяжелой пыткой для комкора был неудачный ход боя. И это - четвертый раз только здесь, на этом злополучном плацдарме!

Из ответа комкора явствовало, что надо, во что бы то ни стало, найти усиление удара за счет собственных средств. Мы с капитаном Федоровым задумались над картой, мерили и считали.

- Товарищ полковник, нужно огонь всех минометов и тех орудий, которые достают, сосредоточить на участке атаки 1-го левофлангового мотострелкового батальона.

- Верно! Подавайте команды.

В течение шести минут нами велся обстрел первой траншеи противника, после чего повторена атака. И первый мотострелковый батальон сумел захватить ров, затем после переправы трех танков и при их поддержке продвинулся на четыреста метров за ров, но из 3-го батальона лишь левофланговая рота смогла перейти ров. Тут нам помогло то, что левее наступал 19-й танковый корпус, имевший в начале успех, и до 20-ти его танков, перейдя ров, устремились в атаку.

Дальнейшего продвижения бригада не имела, т.к. противник открыл мощный заградительный огонь, однако танки левого соседа продвинулись дальше нас метров на 250. И тут около 11 часов 12 "Фердинандов", выйдя на гребень высоты 78,0, открыли по ним огонь во фланг. С большой болью мы наблюдали, как танки Т-34 один за другим начали вспыхивать.

Я бросился на КП поддерживавшего нас дивизиона 23-го гвардейского минполка и крикнул командиру:

- Накройте залпом "Катюш" этих "Фердинандов".

- Не могу! Остался залп пусковых установок, запрещенный к расходу без приказа корпуса.

Бегом возвратился на свой НП, и доложил генералу Жданову. Залп состоялся, но до него истребители танков противника сумели поджечь восемь танков соседа.

Так расплачивались механизированный и танковый корпуса за слабое огневое поражение противника!

По приказу командира корпуса 27-го декабря была сделана еще одна попытка наступления, не принеся успех, а к утру 28-го декабря бригада сдала позиции 1368-му стрелковому полку и сосредоточилась на северной окраине Большой Белозерки.

В нелегких боях с 19-го по 27-е декабря бригадой убито и ранено до 230-ти, пленено свыше 90 солдат и офицеров противника, сожжено и подбито три танка и один "Фердинанд", уничтожено 11 минометов и до 30 пулеметов. Но и потеряно ею много: убитыми и ранеными - более 240 человек, сожженными пять и подбитыми 1 танк.

Четвертую попытку прорвать оборону по приказу командарма Лелюшенко корпус предпринял 31-го декабря. Как раз в этот день мы в бригаде поставили в строй мотострелковых рот 188 человек пополнения частью из числа воинов, прибывших из госпиталей и имевших боевой опыт, большей частью - из молодых призывников. Эти люди в течение 12 дней обучались под руководством заместителя командира бригады в районе Веселого, на базе 2-го мотострелкового батальона. Численность каждой мотострелковой роты двух батальонов была доведена до 60-ти бойцов. А в танковом полку в строю не было ни одного танка.

Это была попытка прорваться в направлении курган Могила Каменная, Днепровка.

События развивались точно так, как неоднократно ранее. Атаковавшую с ходу бригаду противник встретил организованным огнем, она понесла потери, ее подразделения перемешались с подразделениями отходившей 5-й мотострелковой бригады; то же произошло с 15-й гвардейской мехбригадой, наступавшей справа, и 14-й - слева.

В ночь на новый 1944 год фашисты предприняли сильную контратаку пехоты при поддержке сзади идущих танков против 3-го мотострелкового батальона. Нависла угроза захвата обороняемой батальоном позиции превосходящей по силе группировкой врага. Комбат капитан Череп проявил хитрость: он организовал крики "Ура!", которые противник принял как атаку, остановился и под прикрытием танков отошел в свою траншею.

Среди отличившихся при отражении контратаки назову старшего бронебойщика 1-го батальона рядового Федора Васильевича Харченко. Он хладнокровно близко подпустил танк и во время вспышки осветительной ракеты подбил его. Когда танк задымился, он со своим помощником ползком продвинулись вперед и огнем автомата уничтожили выскочивший из танка экипаж.

7-го января перед строем роты я вручил рядовому Харченко орден Отечественной войны второй степени и, обращаясь к роте, сказал:

- Бейте фашистов так, как это делает Федор Харченко!

- То было в первый раз. Теперь знаю, как это делать. Стану их, гадов, бить, пока жив! - заявил он роте.

Наступление неоднократно возобновлялось с 1-го по 4-е января, но привело лишь к небольшому вклинению в оборону гитлеровцев. Всякий раз противник контратакой с применением превосходящего количества танков останавливал войска.

16-го января корпус был выведен из боя и получил задачу на перегруппировку в соседний, 3-й Украинский фронт. Боеспособность бригады к этому времени характеризуется следующей укомплектованностью: личный состав - 50%, танки - 20, артиллерия и минометы - 45, автомобили - 35%.

В боях на Никольском плацдарме, с 18-го ноября 1943 года до половины января 1944 года, нанесенный бригадой урон противнику выразился в таких показателях: уничтожено солдат и офицеров противника - 1419 и взято в плен 213; уничтожено танков и штурмовых орудий - 9, орудий - 12, минометов - 17, автомашин - 7, пулеметов - 32. А ее потери составили: убитыми - 473 человека, ранеными - 1183, то есть всего 1656 человек, танков - 23, орудий - 5, минометов - 13, автомашин - 32, пулеметов - 47. Таким образом, бригада понесла несколько больший урон, чем противник.

Итак, в течение двух месяцев, насыщенных кровопролитными боями, ликвидировать Никопольский плацдарм не удалось. Все это время нас переполняло чувство тяжести, вызванное неудачами и промахами, а также упреками в неумении воевать. Наряду с этим чувством наличествовало и убеждение, возникшее еще в первых наступательных боях в середине ноября и укрепившееся в дальнейшем, убеждение в том, что для успеха требуются более значительные силы и средства, чем те, что применяются. Мотивы того, что при недостатке сил ведется все же только наступление, нам тогда не были известны; теперь же есть возможность прийти к определенным выводам.

Опасность гитлеровского плацдарма для главной группировки войск 4-го Украинского фронта была бесспорной, что подтвердила попытка противника перейти с него в контр наступление. Поэтому стремление нашего командования быстро ликвидировать его можно считать оправданным. И Ставка ВГК в директиве от 5-го ноября обязывала командующего фронтом "... главные усилия направить на ликвидацию Каменского плацдарма противника (южнее Никополь) и форсирование реки Днепр на участке Никополь, Малая Лепетиха". На выполнение этой задачи устанавливались "крайне жесткие сроки.

Со стороны Ставки ВГК преуменьшались силы противника, оборонявшего плацдарм, и это преуменьшение затянuloсь вплоть до начала января 1944 года. Хотя ноябрьские бои показали, что группировка сильнее, чем предполагалось, это игнорировалось. Ставка настойчиво требовала наступать и наступать. Против плацдарма фронт сосредоточил до 10 различных корпусов, включавших десятки дивизий и бригад, но те и другие из-за низкой укомплектованности были небоеспособными или ограниченно боеспособными. Ощущалась постоянная нехватка боеприпасов. Словом, номеров было много, а сил и средств - мало. Фронт нуждался в значительном пополнении, но Ставка не могла его дать: главным в то время было киевское направление, куда и были переданы крупные резервы.

Фашистское командование, в свою очередь, не имело возможности нарастить силы на плацдарме для контрнаступления, так как терпело поражение на киевском и Кировоградском направлениях.

Следовательно, вопреки создавшейся обстановке, требовавшей перехода к обороне, для чего сил было достаточно, велось наступление, приведшее, на мой взгляд, к излишним потерям. Командование фронта и армией, в свою очередь, не внесло встречных предложений, касающихся изменения способа действий. Под воздействием часто повторявшихся упреков в неумении организовать боевые действия, оно вновь пыталось прорвать оборону. В книге "Суровые годы" бывший начальник штаба фронта Маршал Советского Союза С.С.Бирюзов о тех боях написал: "Анализируя теперь эти неудачные для нас бои, можно с уверенностью сказать, что и во второй и в третий раз нами повторялась одна и та же ошибка: для ликвидации вражеского плацдарма выделялись явно недостаточные силы".

Он, правда, не указал, что, во-первых, фронт и не располагал достаточными силами, а во-вторых, что это делалось по неоднократным требованиям Ставки ВГК.

Недостаточность сил являлась главной, но не единственной причиной неудач. Имелись крупные ошибки в подготовке и в ведении наступления. Необходимость без задержки переходить в наступление нами воспринималась как должное, но поспешность в подготовке к нему удивляла. Тогда мы это относили за счет командования армии, но, как следует из изложенного выше, в этом было повинно не только оно.

По вине, прежде всего, командования армии огневое поражение противника организовывалось не лучшим образом. Артиллерия излишне сосредотачивалась в руках командования армии, ею не усиливались бригады. А механизированные и танковые корпуса, понеся потери при прорыве, были неспособны развить успех.

Обидно было встречаться с теми же промахами, что и под Старой Руссой, спустя год, в течение которого кадрами был получен огромный опыт в крупнейших операциях.

Начало наступления на плацдарм показало бесперспективность лобового удара по нему, возложенного на четвертый Украинский фронт. Целесообразность переноса главного удара на левое крыло третьего Украинского фронта была ясна еще в начале декабря, но Ставка опоздала с ним почти на два месяца, что вызвало дополнительные потери.

Досадно, что в официальной военной исторической литературе бои южнее Никополя освещены еще меньше, чем в районе Демянска. Не осветили должным образом эту страницу войны в своих воспоминаниях и те военачальники, которые командовали там войсками. Видимо, в первую очередь это должен был сделать генерал армии Д.Д.Лелюшенко. В 1986 году мне пришлось на эту тему беседовать с Дмитрием Даниловичем.

- Почему вы, Дмитрий Данилович, в своей книге ничтожно мало написали об ожесточенных боях 3-й гвардейской армии на Никопольском плацдарме? - спросил я.

Со свойственной ему категоричностью и безапелляционностью, он ответил:

- А кому интересно писать о неудачных боях? Описывая неудачи, я должен был бы сказать, как расплачивался за грехи соседей и начальников повыше.

- Неудачи часто учат больше, чем удачи, что и нужно нашей офицерской молодежи, - упорствовал я.

- Если тебе, Обатуров, нравится копаться в дерьме, то ты и пиши, а я этим заниматься не намерен.

Жаль, что во многих воспоминаниях описания проигранных боев и операций не делается.